

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ КАДРОВ И АКТИВА
ЗАПСИБКРАЙКОМА И НОВОСИБИРСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ
в 1936-1938 гг.**

Горин Сергей Григорьевич –
канд. ист. наук,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права,
Сибирский университет
потребительской кооперации (СибУПК),
e-mail: sergey.g.gorin@gmail.com
РФ, 630087, г. Новосибирск,
пр. Карла Маркса, 26

Аннотация. Спецификой данной работы является рассмотрение трагических событий периода Большого террора через призму сложившихся судеб руководителей Запсибкрайкома ВЛКСМ, ряда сибирских региональных комсомольских работников и актива. Мы исходили из того, что в историографии, особенно советского периода, многие известные исторические события недостаточно персонифицированы. Для публикаций по истории ВЛКСМ, рассматривающих кризисные явления в комсомоле, недостаточное внимание уделено исторической персоналистике. Конкретные люди и их судьбы зачастую остаются вне поля зрения исследователей. Этот пробел хотелось бы восполнить.

В работе сознательно приводится большой массив архивных источников из Государственного архива Новосибирской области (ГАО) и следственных дел, отложенных в архиве УФСБ по НСО, которые широко цитируются и дополняются необходимыми комментариями. На наш взгляд, это позволяет лучше понять особый колорит, морально-психологическую атмосферу и специфику сложного времени Большого террора применительно к молодежным событиям в сибирском регионе.

Ключевые слова: Сибирь, политические репрессии, комсомол, Запсибкрайком ВЛКСМ

**POLITICAL REPRESSION AMONG CADRES AND ASSETS
OF ZAPSIBKRAIKOM AND NOVOSIBIRSK
REGIONAL COMMITTEE
OF THE KOMSOMOL in 1936-1938**

Sergei G. Gorin – candidate of historical science,
Head of the Department of History and Theory of State and Law,
Siberian University of consumer cooperation

Annotation. The specificity of this work is the consideration of the tragic events of the Great Terror period through the prism of the prevailing destinies of the leaders of the Komsomol of Zapsibkraikom, a number of Siberian regional Komsomol workers and activists. We proceeded from the fact that in historiography, especially of the Soviet period, many well-known historical events are insufficiently personified. For publications on the history of the Komsomol, considering the crisis phenomena in the Komsomol, insufficient attention is paid to historical personalism. Specific people and their destinies often remain out of the field of view of researchers. I would like to fill this gap.

The work deliberately provides a large array of archival sources from the State Archive of the Novosibirsk Region (GANO) and investigative cases postponed in the archive of the FSB for NSOs, which are widely quoted and supplemented with the necessary comments. In our opinion, this makes it possible to better understand the special flavor, the moral and psychological atmosphere and the specifics of the difficult time of the Great Terror in relation to youth events in the Siberian region.

Keywords: Siberia, political repression, Komsomol, Zapsibkraikom of Komsomol

Усиление репрессий и изменение массового сознания комсомольцев и молодежи. В 1930-е годы борьба с мнимыми и реальными оппозициями в стране, повсеместные выявления «троцкистских прихвостней», немецко-японских шпионов, контрреволюционеров и всяческих врагов народа не минули комсомольские кадры и актив сибирского региона. Репрессии и чистки, борьба с малейшими проявлениями инакомыслия активно насаждались в молодежной среде.

В конце 1930-х годов по мере укрепления авторитарно-бюрократического режима и усиления карательной политики в стране менялся уровень политического сознания в обществе в сторону подозрительности, доноительства, двойных стандартов поведения. Новые идеологические установки зачастую критически воспринимались в публичном пространстве, обсуждались в «закрытом режиме». Провоцировалось недоверие друг к другу. В водоворот взаимного недоверия и доноительства вовлекалось все больше молодежи, многие комсомольские работники в этих условиях без видимых причин подвергались обструкции, репрессиям, арестам. В результате усиления массовых репрессий в тот период по-существу были разгромлены кадры комсомольских комитетов крупных сибирских городов и арестованы как враги народа их руководители: Томск (Л.Машкин, Р.Спрингис), Новосибирск (Н.Прудовский, П.Гнедош), Барнаул (Ф.Аркуша), Бийск (Л.Шольский, Ефименко), Кемерово (А.Калганов), Сталинск (А.Мурашкин, В.Акимов), Рубцовск (Мезенев), Тайга (Н.Антипин), Колпашево (Паршин), Троицкое (Храмов), Нарым (Эндер) и др.

Первый секретарь Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Пантюхов, направленный для кадрового укрепления краевой комсомольской организации из Москвы в 1935 году, через два года работы был снят с должности «за отсутствие политической остроты в борьбе с врагами народа в комсомоле»,

арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и расстрелян. Массовые репрессии и расстрелы непосредственно коснулись руководящих и рядовых работников аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ, городских и районных комитетов комсомола и простых комсомольцев Западно-Сибирского края.

Архивные материалы дают нам достаточные представления о своеобразной молодежной атмосфере в основном небольших сибирских городов и деревень Западно-Сибирского края. Во второй половине 1920-х годов из почти ста тысяч комсомольцев доля крестьянской молодежи (середняки, бедняки и батраки) составляла две трети, а всего в сибирском крае из 4,5 тысяч комсомольских ячеек менее 10 % были фабрично-заводскими¹. Специфика крестьянского края, деревенская психология его обитателей накладывала отпечаток на работу комсомольских ячеек. Например, если речь шла об их участии в «атаке» на кулака в ходе коллективизации, то можно было столкнуться с феноменом неприятия основной массы сельского населения курса большевиков на борьбу с рыночной «мелкособственнической» идеологией в сибирской деревне. Это ставило многие деревенские ячейки в жестокое противоборство с крестьянскими массами, в ряде случаев даже вынужденный переход на нелегальное положение, поскольку члены Союза молодежи по определению должны были поддерживать и обеспечивать партийный курс. По необходимости участвуя в различных «перегибах» в официальных мероприятиях, комсомольцы и молодежь выражали разные точки зрения, в том числе в оценке текущих политических и хозяйственных реалий. Это способствовало тому, что уже в середине и конце 1920-х годов начались нападки на комсомольцев, особенно их вожakov, высказывающих суждения, отличные от официальной (сталинской) точки зрения, которые были солидарны с некоторыми троцкистскими взглядами по разным политическим и хозяйственным вопросам. Им приклеивали ярлыки троцкистов.

В то же время многие номенклатурные комсомольские работники, в рамках тогда еще свободной дискуссии, активно высказывались с критическими замечаниями о распространенных в то время в массах молодежи взглядов Л. Троцкого. Среди них можно назвать будущих лидеров Центрального комитета комсомола (Л. Шацкий, П. Смородин, А. Косарев и др.) и региональных комсомольских работников. Они быстро добивались карьерного роста и покровительства партийной сталинской элиты. Однако, во второй половине 1930-х годов враждебные ярлыки троцкистов стали активно навешиваться на них самих, причем совсем по любому поводу (и левый, и правый уклоны). Началась не только идейная борьба с любым инакомыслием, но и физическая и моральная расправа с его носителями. «Троцкизм» стал удобным ярлыком для исключения из комсомола, репрессий, арестов, расстрелов. Тут уже пострадали многие комсомольские лидеры, ранее выдвинутые Сталиным на руководящую комсомольскую и партийную работу. Историческими фактами являются репрессии и расстрелы всех довоенных первых секретарей ЦК комсомола.

¹ Очерки истории ВЛКСМ: Сибирские страницы / С.Г.Горин, В.В.Моисеев, М.Ю.Шматов. Новосибирск. ГАУК НСО НГОНБ. 2020. С.39.

Многие комсомольские вожаки в центре и регионах, в том числе сибирских, не избежали этой участи. Среди них Н.Пантюхов, Н.Лесковская, Н.Калганов, А.Янценецкий, Р.Спрингис, Л.Шольский и многие другие. В результате усиления массовых репрессий имел место настоящий разгром комсомольских комитетов в сибирских городах.

Комсомольские работники обвинялись во взаимоотношениях, основанных на общности политических взглядов с уже арестованными ранее как враги народа своими товарищами, в основном окончившими Институт красной профессуры (ИКП). Для этой группы лиц были характерны весьма критические толкования мероприятий ВКП(б) и Советского правительства с позиций правых и троцкистов, что было довольно распространено в 1920-х годах чаще в виде открытой партийной полемики, но уже в начале и середине 1930-х подобные мысли были «загнаны в подполье», а их носители подвергались вначале обструкции, а затем полновесным репрессиям.

Неприятие и ревизия официальной партийной линии, фрондерство и откровенное вольнодумство было широко распространено среди слушателей и преподавателей ИКП, что не было новостью для официальной власти и впоследствии вызвало репрессивные реакции. Как известно, большая часть выпускников Института красной профессуры «колебалась» в противофазе линии партии². Такие группы единомышленников оформились и в партийных кругах Новосибирска, и в Западно-Сибирском учебном Институте марксизма-ленинизма (ИМЛ), в котором они повышали свой образовательный уровень. В «политический водоворот оппозиционных мнений» невольно была вовлечены некоторые номенклатурные комсомольские работники Запсибкрая.

Были ли у региональных оппозиционеров-троцкистов кроме «кухонных разговоров» в то время какие-либо попытки организованных действий? Многочисленные исследования историков и публицистов, архивные источники не дают однозначного ответа на этот вопрос. Возможно, были. Но не стоит забывать, что до и особенно в 1936-1938 гг. сталинское НКВД упреждающе действовало в русле повсеместных тотальных репрессий и арестов в отношении всякого рода «троцкистов», инакомыслящих и сомневающихся, наклеивая им ярлыки «врагов народа» и иностранных шпионов. Этот период не зря именуется «Большим террором». Общеизвестны исторические факты, подтверждающие судебные процессы, аресты и расстрелы, причастной (хотя и не обязательно) к противостоянию официальной сталинской линии партии, представителей политической, хозяйственной и военной элиты в центре и регионах. Но были ли реальные антипартийные и антиправительственные заговоры их участников? Мнения историков часто разделяются... Большинство отрицает наличие организованных контрреволюционных групп оппозиции в тех условиях.

Однако, если обратиться к документам, отложенным в архивах спецорганов и говоря языком этих документов, в Запсибкрае и Новосибирской области «был вскрыт и ликвидирован контрреволюционный правотроцкистский

² Подробно об этой атмосфере, в частности среди слушателей Института красной профессуры, пишет А.Авторханов в известной работе «Технология власти».

центр, возглавлявший контрреволюционную работу на территории Новосибирской области и Алтайского края. Политической целью правотроцкистского центра, как это установлено следствием, являлось провозглашение Сибирской республики (*и это было возможно в 1937 году? - С.Г.*) в момент объявления войны при содействии Японии за счет территориальных компенсаций в ДВК (*Дальневосточный край – С.Г.*). Правотроцкистский центр организационно был связан с врагами народа Бухариным и Рыковым, от которых получал директивы по контрреволюционной работе в Сибири.

Исходя из этого, участники правотроцкистской организации по указанию центра проводили подготовку вооруженного восстания, шпионско-диверсионную и вредительскую террористическую работу».

Такое вступление характерно для всех обвинительных заключений и дублируется во многих подобных документах, а затем уже приводятся специфические детали, связанные с конкретными обвиняемыми и особенностями их «преступных» деяний. Для более значимой номенклатуры в их следственных делах часто можно увидеть следующую фразу: «Члены правотроцкистского центра, исходя из программы тактических установок, имели связь с представителями иностранных консульств в Новосибирске, по указанию которых занимались шпионской, диверсионной и разрушительной работой. Установлено, что правотроцкистским центром в период с 1934 по 1937 гг. создана в Новосибирской области широкая сеть контрреволюционных групп и организаций из двурушников, правых и троцкистов».

Активность по осуществлению репрессий в нашем регионе среди партийных, хозяйственных и комсомольских руководителей в тот период, возможно, была связана с представлением из УНКВД Западно-Сибирского края в Наркомвнудел не всегда достоверных материалов, рисующих картину широкого распространения германской, польской и японской разведывательной сети на предприятиях Кузбасса, Томской железной дороги и прилегающих районах. Там якобы германские технические специалисты планировали вывести из строя стратегически важные промышленные объекты в момент объявления войны, а по заданию японской разведки готовились диверсионные акты на магистралях Сибирской железной дороги³. ...

Секретарь Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Пантюхов. Из лидеров сибирского комсомола Н.Г. Пантюхов был одним из тех, кого направили из центра на укрепление кадров в Сибирь⁴. Пантюхов появился в Новосибирске только в сентябре 1935 г. Два предыдущих года краевую организацию преследовали кадровые проблемы: один за другим отстранялись от работы

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М.Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2010. С.48.

⁴ Подробнее о трагической судьбе и деятельности Н.Пантюхова на посту первого секретаря Запсибкрайкома ВЛКСМ см. в книге Аристов Ю.С., Горин С.Г. Лидеры комсомола: От всплеска революционной стихии к крушению союза. Новосибирск. НГНТБ. 2018. С.100-114.

первые секретари Запсибкрайкома ВЛКСМ. Сначала - в июне 1933 г. А.И. Голиков, затем такая же участь в августе 1935 г. постигла А.Я. Кокорина. Характерно, что оба комсомольских функционера были лишены своих постов фактически по одному и тому же основанию – финансовые злоупотребления: наличие «черной» кассы, использование ее для своеобразного «сплочения» кадров и актива через организацию коллективных выпивок.

После таких кадровых провалов ЦК ВЛКСМ решил направить в Новосибирск ставленника Москвы, который прошел все ступеньки комсомольской карьеры: был и на низовой работе – секретарь ячеек ВЛКСМ Бежецкого паровозостроительного завода (сегодня - это крупнейшее предприятие транспортного машиностроения России Брянский машиностроительный завод), работал на уездном и губернском уровнях в Брянской губернии, в ЦК ВЛКСМ был инструктором, зав сельскохозяйственным сектором. После окончания курсов марксизма-ленинизма и Института Красной профессуры становится помощником начальника политуправления по комсомолу Наркомата совхозов СССР. Добавив к этому начало трудовой деятельности в качестве рабочего на одном из предприятий Брянска, можно констатировать характерную и классово образцовую для того времени биографию этого комсомольского функционера: прошел производственную школу на одном из серьезнейших индустриальных предприятий страны с его многотысячным коллективом, обучался в ведущем учебном учреждении, заслуженно признаваемым кузницей «красных» управленцев. Он был наиболее подготовлен с точки зрения образовательного и общекультурного уровня в сравнении со всеми предыдущими руководителями сибирского комсомола.

Обстановка того периода была непростой не только для страны, но и для комсомольцев и молодежи сибирского региона, особенно в плане специфики (правильнее сказать ограниченности) политического сознания широких молодежных масс. Об этом свидетельствуют вопросы, обсуждаемые на бюро и секретариате Запсибкрайкома ВЛКСМ. Приведем только один пример. В 1936 г. высший орган краевого комсомола – бюро было вынуждено резко реагировать на публикацию в региональной молодежной прессе «Большевистской смене» и «Юном Ленинце» статей о книге Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Факт этот оценивался как грубая политическая ошибка. Издания якобы предоставили «трибуну» для троцкистских контрабандистов для популяризации сплетен на большевистскую партию. Редактор газеты Брызгалов был обвинен в притуплении политической бдительности, коль скоро рекомендует эту книгу как «блестящую книгу и живую историю Октября». Были объявлены выговоры зам. редактора «Большевистской смены» и редактору «Юного Ленинца», а секретарям Запсибкрайкома Пантюхову, Семенову, Лесковской поручалось пересмотреть состав всех редакций. В особом секретном решении было обращение к бюро крайкома ВКП(б) с предложением изъять книгу для широкого пользования⁵. Понятно, что реакция достаточно просвещенных и теоретически

⁵ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.642. Л.90.

подготовленных комсомольских работников была специфической, но таковых было меньшинство...

Западносибирский комсомол активно «патронировал» важнейшие народнохозяйственные объекты. Участие молодежи в процессе социалистической реконструкции рассматривалось на заседании бюро Запсибкрайкома ВЛКСМ 20 ноября 1936 г. Речь шла о практике организации комсомольских вахт на Кузбассе. Эта форма комсомольской работы проводилась в русле развертывающегося по всей стране стахановского движения. Обсуждение на бюро и выступление самого Пантюхова свидетельствовало о комплексном понимании решаемых вопросов. Так, он не поддержал критику материальных стимулов в ударничестве: «Тут ничего плохого нет, так как у нас деньги существуют, рубль имеет свою силу, и мы цепляемся за материальный интерес с тем, чтобы затем тащить его и выращивать политически»⁶. Он подверг критике также слабый охват комсомольскими организациями молодых рабочих основных профессий, которые и определяли объем угледобычи. Комсомольскую вахту Пантюхов призывал рассматривать как форму не только ударничества, но и внимания к техническому, культурному уровню молодых рабочих: «Развивая эти вахты, выращивая мастеров угля, т.е. всесторонних развитых рабочих, всесторонне развитых людей..., мы... будем выполнять и разрешать ...задачу коммунистического воспитания...»⁷.

Таким образом, в самом начале своей руководящей деятельности Пантюхов погружается в практическую реализацию концепции усиления классовой борьбы по мере строительства социализма, можно даже сказать с учетом провинциальной специфики. Как подготовленный и адекватный комсомольский руководитель уже через год после появления в Новосибирске он разобрался во многих местных проблемах.

Между тем политическая система СССР входила в очередной виток борьбы с врагами партии и народа, в том числе в молодежной среде. И свою роль в этом процессе предстояло сыграть секретарю Запсибкрайкома комсомола Пантюхову. Быть жертвой или стать палачом? Первые тревожные «звоночки» поступили во время работы пленума Запсибкрайкома ВЛКСМ 12 июля 1937 г. В своем выступлении Пантюхов, кроме необходимости подготовки к выборам в Верховный Совет СССР по сталинской Конституции 1936 г., был, видимо, вынужден затронуть вопрос о своих ошибках в руководстве крайкомом. Правда, он использовал фразу «наши ошибки», имея в виду недостатки коллективного органа. Он сослался на критику на предыдущем пленуме, где высказывались претензии по поводу отрыва от низовых организаций, канцелярско-бюрократического стиля руководства, отсутствия самокритики в бюро крайкома. Но самое опасное - либеральное отношение к недостаткам в работе райкомов и горкомов комсомола. Это проявилось в нехватке остроты и благодушии по ситуации в Томской и Кемеровской организациях, где «орудовали троцкистские

⁶ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.790. Л.110.

⁷ Там же. Л.128.

бандиты». «Политическая беспечность» - серьезное обвинение по тем временам, но Н.Г.Пантюхов был вынужден использовать эту фразу⁸.

Обстановка недоверия сгустилась над фигурой первого секретаря. Это объясняет факт того, что Пантюхов был вынужден приступить к поискам «врагов». Свидетельством этого является его фраза из доклада – «стали ближе знакомиться с кадрами». Результат не заставил себя ждать. Секретарь Колыванского райкома комсомола оказался сыном жандарма. В Бийской организации был разоблачен японский «шпион» Третьяк. После его разоблачения никто не позаботился о том, чтобы провести соответствующую профилактическую работу в комсомольских организациях⁹. Докладчик оценил это как политическую беспечность. И опять Пантюхов обращается к самокритике, беря на себя вину в отсутствии политической остроты в руководстве крайкомом комсомола, то есть в поиске врагов и их агентов. А для этого надо анализировать умонастроения разных слоев молодежи, уметь их увидеть и понять существующие настроения. Приводя пример Сталинской организации, докладчик среди всего прочего назвал в качестве особой группы «спецпереселенческую молодежь»¹⁰. То, что крайком комсомола не имел особого подхода к разным слоям нового поколения, использовали «враждебные элементы» в своих целях. Они – «троцкисты и прочая сволочь» подогревали недовольство молодежи по поводу разного рода недостатков в условиях невнимания комсомольских организаций к проблеме спецпереселенческой молодежи.

В целом выступление Н.Г. Пантюхова на пленуме носило противоречивый характер. С одной стороны, постоянные фразы о необходимости борьбы за очищение рядов. С другой стороны, предостережение об ошибках в этом направлении. Например, при критике вышеупомянутых работников крайкома он допускал их дальнейшее использование в работе после «помощи через критику и исправления ошибок»¹¹. Так, говоря о положении в Томске, он критикует Томский горком за самотек в контроле за организациями индустриального института и университета. В них «поверхностно подходили» к определению политического лица того или иного комсомольца. В результате «пачками» исключали из организации, отстраняли от учебы, лишали права учиться. По его мнению, Томский горком не смог «разъяснить ... из чего складывается и строится борьба за очищение своих рядов от подлинных двурушников, подлинно чуждых элементов». Судя по расплывчатости и неопределенности доклада Пантюхова, он сам был дезориентирован и не очень хорошо понимал, что делать после его проработки в ЦК ВЛКСМ генеральным секретарем ЦК А.Косаревым, на выступление которого он ссылался на этом пленуме.

Не мог Пантюхов пройти мимо ситуации в томских учебных заведениях, тем более на недостатки по этому вопросу обращала внимание при посещении Томска секретарь ЦК ВЛКСМ В.Ф. Пикина. В городе существовала, по словам

⁸ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1054. Л.13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Лл.24,25.

¹¹ Там же, Л.23.

первого секретаря, разветвленная троцкистская сеть и она целенаправленно воздействовала на молодежь, используя всякого рода его недовольство, что должно было бы мобилизовать работников горкома, но этого не произошло. Это проявилось в вопросе о так называемой комсомольской демократии, когда в Кировском районе заговорили о полной самостоятельности комсомольской организации, полной демократии, полной выборности, о независимости от партийной организации. Появились попытки противопоставить себя партийному аппарату. При анализе этого сюжета уже не в первый раз всплывает фамилия секретаря горкома Р. Спрингиса, чья «троцкистская деятельность» сыграет свою роль при предъявлении обвинений через несколько месяцев самому Пантюхову. Но пока Спрингису приписывались только «деляческие» подходы к руководству организацией. Не хватило Пантюхову и «смелости» предъявить серьезные политические обвинения в адрес тех людей, «которые являются носителями подобного рода настроений»¹².

Затем докладчик в своем выступлении привел какой-то невнятный пример из Зырянского района, где была разоблачена молодежная троцкистская организация. Возглавлял её комсомолец, но не было названо ни одной фамилии и других каких-то подробностей. В другом, даже не названном районе какая-то группа готовила убийство местных работников, разлагала колхоз, пропагандировала Троцкого. Видимо, Пантюхов приводил эти примеры в целях «настройки» краевого актива на поиск враждебных элементов повсюду, чтобы не притуплять политическую бдительность. И тут же он предостерегал от ошибок в этом направлении, что свидетельствовало о неприятии огульного обвинения «всех и вся» для сохранения имиджа борца за чистоту рядов. Так, он привел пример по Асиновскому району, где из комсомола был исключен как троцкист педагог Волков. Дело в том, что он поспорил с парторгом Тутушкиным на одном из занятий. Тот поставил вопрос об его исключении, обвиняя его в чтении контрреволюционной литературы «среди молодежи». Парторг отнес к ней и «Вий» Н.В. Гоголя. Похожий случай произошел на политзанятии в Чаинском сельсовете Купинского района, когда при выступлении комсомолец-учитель привел несколько выдержек из произведений Гоголя. Местный парторг заявил буквально следующее: «Вы тут всяких контрреволюционеров не подносите». Секретарь комсомольской организации также припугнул учителя: «Ты смотри у меня, тебя попросим с собрания на первый раз, если ты еще раз заикнешься на счет Гоголя». Пока еще члены пленума крайкома позволили себе лишь посмеяться по этому поводу¹³.

Можно, наверное, признать актом если не политического мужества, то хотя бы человеческой честности и порядочности следующее его заявление на пленуме: «Я этим хочу показать, ...как неправильно подходят иногда из своей неграмотности, политической неграмотности, не умеют распознать, где же, за что надо уцепиться, чтобы подлинных враждебных элементов выявить, иногда попадают в рубрику троцкистов и их последователей и честные комсомольцы»¹⁴.

¹² ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1054. Л.34.

¹³ Там же. Лл.37,38.

¹⁴ Там же, Л.38.

Предчувствовал или догадывался Пантюхов, что он этими фразами предсказал свою судьбу? Позиция его самого базировалась на разумном и логичном подходе – огульное обвинение без всяких достаточных фактов вредит делу очищения от двурушников и враждебных элементов, наносит ущерб комсомольским организациям, а недовольство такими фактами станет питательной почвой для деятельности антипартийных группировок, и троцкистов, и бухаринцев.

Самокритичный тон доклада вызвал реплику у секретаря крайкома партии Шубрикова: «Вы говорите все о том, что вы не делали. Вы скажите о том, что вы делали». Пантюхов на это отреагировал ссылкой на то, что уже говорил о недостатках по этому вопросу в руководстве крайкомом. И далее объяснил бездеятельность по поводу развала комсомольских организаций на селе, в колхозах. Тот факт, что даже центральная партийная газета «Правда» не прошла мимо вопиющего случая, когда в Татарском районе решили распустить комсомольскую организацию, поскольку она плохо работает, было свидетельством «плохой политической работы» крайкома. В ряде районов – Ребрихинском, Ордынском секретари райкомов комсомола противопоставляли себя райкомам партии.

Заключая доклад, Пантюхов опять «посыпал голову пеплом»: «трудно было говорить о недостатках нашей политической работы... Мы тут проявили очень большую беспомощность»¹⁵. После доклада ему поступил вопрос, как часто за свое пребывание в должности он бывал в сельских организациях. Пантюхову похвастаться было нечем: в 1937 г. только раз по заданию крайкома партии в Чебулинском районе. Ответ был явно неутешительным. А факт самого вопроса свидетельствовал о критическом настрое перед началом обсуждения.

Выступления на пленуме комсомольских работников и актива не добавили оптимизма. Секретарь Тогучинского РК ВЛКСМ И.А. Кузьмин подчеркнул отсутствие всякого руководства со стороны крайкома сельскими комсомольскими организациями. Говоря о работниках аппарата, привел фразу: «Люди отсиживаются только в кабинетах». Один из выступающих в прениях возмущался тем, что 5 членов бюро работало неудовлетворительно и ставил вопрос об их выводе из состава этого руководящего органа. Задав риторический вопрос в зал – «разве это руководство», получил реакцию в виде реплики из зала по поводу Пантюхова – «о себе только не сказал», т.е. о выводе и его из состава бюро. Последовало предложение целиком распустить бюро во главе с Пантюховым: «До чего докатились – не можете воспитывать аппарат, который у вас имеется...» Далее следовала уничтожающая тирада: «Вы в 1937 году были в одном районе, побеседовали с секретарем, а с комсомольцами не побеседовали... Сколько вы сменили в своем аппарате инструкторов? ...Вы не знаете работы райкомов комсомола. Поэтому вы плохо сделали доклад, что не знаете работы, не знаете, о чем говорить...»¹⁶

¹⁵ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1054. Л.34.

¹⁶ Там же, Лл.59,63.

На этом пленуме рассматривались критические стороны деятельности Пантюхова как действующего лидера краевой комсомольской организации. Но тучи сгущались. В верхах уже было принято решение о его аресте в числе большой группы партийных и хозяйственных работников края, по разным причинам признанных врагами народа.

У пленум Запсибкрайкома, где Пантюхова заочно сняли с должности, был созван в августе 1937 г. и проходил в присутствии представителя ЦК ВЛКСМ Минца и секретаря крайкома партии Шубрикова. Секретарь Запсибкрайкома комсомола Н. Лесковская задала в докладе настрой работы и обсуждения вопросов, сославшись на критику бюро и его секретаря Пантюхова со стороны Эйхе и секретаря крайкома партии Шубрикова. В качестве серьезного промаха Пантюхову был приписан развал работы бюро крайкома: «...опираясь на связи с некоторыми бывшими работниками в ЦК комсомола, ныне разоблаченными как враги народа, стал на путь противопоставления себя крайкому партии...» Конкретнее - «...мешал разоблачению врагов народа и вражеской агентуры, пробравшейся в отдельные звенья комсомольской организации..., таких как Спрингиса в Томске, Баранова - в Кожевниковском районе, Храмцева - в Троицком»¹⁷. На бюро крайкома врагами народа были признаны также Мурашкин, Янценецкий, Акимов.

Уничижительной критике подвергла сама себя и второй секретарь Запсибкрайкома Лесковская: «...в практической своей работе я допускала также целый ряд грубейших политических ошибок, соглашаясь с отдельными предложениями Пантюхова и в том, что до последнего я доверяла ему..., мне как секретарю крайкома... надо было бы и перед Крайкомом комсомола и Крайкомом партии гораздо раньше поднять все вопросы, которые мною были упущены...»¹⁸.

Еще более зловещим был вывод представителя ЦК ВЛКСМ о только начальной стадии разоблачения врагов и борьбы по очищению западносибирского комсомола - «убрав Пантюхова,... и других, мы открыли только клапан, который не давал возможность разоблачить врагов». Для «выкорчевывания пантюховского охвостья» косаревский посланник ЦК комсомола Минц требовал называть факты, не останавливаясь на только озвученных фамилиях¹⁹. В целом чувствовалась неудовлетворенность представителя ЦК работой в этом направлении - такова была политическая линия центра.

Процитируем окончательное решение о первом секретаре крайкома: «Считать установленным, что секретарь Крайкома ВЛКСМ Пантюхов в своей работе саботировал разоблачение врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов фашизма, явно игнорировал прямые и конкретные указания Крайкома ВКП(б) о повышении политической остроты и бдительности в работе Крайкома ВЛКСМ, не выполнил директивы Крайкома ВКП(б) о разоблачении врага народа Спрингиса, пробравшегося к руководству Томской организации ВЛКСМ и прикрывал явно враждебных и переродившихся людей. Противопоставляя себя

¹⁷ ГАНО. Ф.П-189. Оп.1. Д.1055. Л.34.

¹⁸ Там же. Л.42.

¹⁹ Там же. Л.121.

Крайкому ВКП(б), пытался оторвать комсомольскую организацию от партийного руководства. Неоднократно выезжая в Сталинск, Пантюхов фактически способствовал развалу комсомольской работы в Сталинске, за что Пантюхова снять с работы секретаря Крайкома ВЛКСМ и исключить из состава бюро и пленума Крайкома комсомола»²⁰. Читатели, представляющие реалии того времени, могут предположить, чем закончился этот комсомольский пленум для его секретаря.

Трагическая судьба Пантюхова, попавшего в расстрельные списки вместе с высшим партийным активом Запсибкрайкома, поражает многими вопиющими фактами. Получив по решению косаревского ЦК ВЛКСМ 2-3 месяца на организацию широких репрессивных действий среди комсомольских функционеров сибирского края, он, конечно, не справился и был обречен.

По свидетельству известного историка комсомола В.К. Криворученко, основанного на данных Центрального архива ВЛКСМ, бюро ЦК комсомола в нарушении Устава сняло с работы первого секретаря Западно-Сибирского крайкома крайкома ВЛКСМ без согласования не только с крайкомом комсомола, тем более с рядовыми комсомольцами, но даже с крайкомом партии, практически поставив его перед фактом. На следующий день в Новосибирск была направлена телеграмма:

«Новосибирский обком партии. Товарищу Эйхе.

Предлагаю Пантюхова немедленно снять с работы секретаря обкома мотивами отсутствия необходимой политической остроты в борьбе с врагами народа, отсутствия политической бдительности, зажима критики и самокритики, явно слабое руководство организацией, неправильности подбора кадров. Прошу составить наше мнение также возможности выдвижения местной кандидатуры.

Цекамол Косарев»²¹.

Такова была практика работы косаревского ЦК в 1936-1938 гг. и стиль руководства самого генерального секретаря в региональных комсомольских организациях, вплоть до его снятия с должности на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ (19 - 22 августа 1938 г.), признания самого «врагом народа» и последующего расстрела²². В постановлениях бюро ЦК ВЛКСМ при освобождении от работы, арестах номенклатурной комсомольской элиты разного уровня, употреблялись следующие формулировки: за засорение актива враждебными элементами, слабую очистку организации от враждебных элементов, явный либерализм к врагам народа, проявленную нетерпимую политическую беспечность, связь с врагами, участие в контрреволюционных троцкистских группах, разложение, систематические пьянки.

²⁰ ГАНО. Ф.П-189. Оп.1. Д.1055. Л.2.

²¹ Криворученко В.К. В тисках сталинщины: трагедия комсомола. Москва. Институт молодежи. 1991. С. 299.

²² Горин С.Г. Александр Косарев - генсек ЦК ВЛКСМ. 1929-1938 гг. Правда истории или обратная сторона медали. В сб. Российская молодежь... С. 105-110.

Через некоторое время в результате изменения политической линии ЦК ВКП(б) внутренний «террор» завершил свою первую (но не последнюю) стадию, в том числе и в Сибири... После «чистки» комсомольская организация края была обескровлена и в кадровом и в организационно-политическом отношении. По результатам исследования сибирского историка В.И. Исаева в течение 1936-1937 гг. были исключены из ВЛКСМ 6425 человек, в том числе как враждебные элементы – 2850, как нарушители комсомольской дисциплины – 1457, как морально разложившиеся – 1071, как шкурники и карьеристы – 392, по другим причинам – 655. Из числа исключенных 2505 подали апелляцию об их неправильном исключении, но 3925 человек даже не стали требовать апелляции, считая, видимо, что это бесполезно. Вполне вероятно также, что значительная часть исключенных из комсомола была арестована и осуждена как враги народа²³.

Трагический тандем. С приездом Н.Г. Пантюхова в 1935 году в Новосибирск для укрепления краевой комсомольской организации, он сразу обратил внимание на завоцделом юных пионеров, которую выдвинули для работы в крайком ВЛКСМ, не дав доучиться год в ИМЛ. Через некоторое время по его инициативе Н.Я.Лесковскую²⁴ избрали вторым секретарем Запсибкрайкома ВЛКСМ, она стала правой рукой молодежного лидера края. Возможно, это сыграло решающую роль в трагической судьбе молодой женщины. Напомним, что Н.Пантюхов 3 октября 1937 г. попал в сталинские расстрельные списки в числе 83 партийных и хозяйственных руководителей края²⁵. Но не только это привлекло внимание репрессивных органов. Еще во время учебы в ИМЛ Н.Лесковская водила тесную дружбу с впоследствии репрессированными врагами народа из числа преподавателей и слушателей этого учебного заведения...

Морально-политическая атмосфера в стране, особенно среди партийных и комсомольских кадров в конце 1930-х годов постепенно приобретала черты активной борьбы с инакомыслием, альтернативными мнениями, которые формировались в том числе в молодежной среде. Критические разговоры по вопросам внутренней политики ВКП(б) могли материализоваться в попытки создавать некие группы единомышленников-оппозиционеров среди комсомольцев, что приводило к ответной репрессивной реакции со стороны власти. Политика центральной и региональной партийной власти и, соответственно, руководящие указания комсомольских органов провоцировали на местах усиление тотальной подозрительности, доносы, карательные методы работы.

²³ Исаев В.И. Особенности морально-политического климата в комсомольских организациях Новосибирской области в 1930-е годы. В сб. Российская молодежь... С.157.

²⁴ О комсомольской деятельности и судьбе Н.Лесковской см.подробнее в статье Горина С.Г. Трагическая судьба: одна из многих... в Библиотеке сибирского краеведения <http://bsk.nios.ru/content/tragicheskaya-sudba-odna-iz-mnogih>

²⁵ В авангарде молодежи. История Новосибирского комсомола (1918-1991 годы) / Андреев С.Н., Аристов Ю.С., Горин С.Г. и др. Новосибирск: Параллель. 2018. С.95.

19 июля 1937 г. в Запсибрайком ВКП(б) поступила компрометирующая докладная записка, остро вскрывающая связи Н.Пантюхова и Н.Лесковской с уже выявленными врагами народа в их окружении. В доносе, подписанным М.Бочкаревым, говорится о дружбе Лесковской с «подлыми предателями» четой Зуевых, разоблаченных как враги народа и шпионы. Автор доноса пишет: «Лесковская сейчас изменилась до неузнаваемости. Она стала «острее ставить вопросы», её речи насыщены призывами к бдительности, но всё это только показная сторона дела. Беспредметная трескотня, набор крепких слов являются, видимо, не чем иным, как только маскировкой, маневром, преследующим цель рассеять всякие сомнения в ее политической честности. На деле же Лесковская не борется по-настоящему с врагами народа и не показывает комсомольцам примера большевистской бдительности»²⁶. В докладной записке также указаны факты сокрытия ею сомнительных эпизодов в деятельности работников аппарата крайкома Адоньева, Шольского, Янценецкого и Мурашкина.

В этом документе, который судя по архивным данным обсуждался партийным органом края, также подвергался уничижительной критике ее комсомольский руководитель Н.Пантюхов, которому вменялись факты политической недалекости, окружения себя «негодными людьми», троцкистами-контрреволюционерами, приведшими к «политическому банкротству» Запсибкрайком комсомола. Бывших работников аппарата крайкома называли подручными и лакеями вредителей и диверсантов, часто приклеивая обычным недостаткам в работе политические ярлыки.

«Не ясно ли, чего боится Пантюхов, утаивая все эти дела и от комсомольской организации края, и от ЦК ВЛКСМ? - ставит риторический вопрос М.Бочкарев. - Не подлежит сомнению, что при таких условиях крайком не способен возглавить борьбу с врагами народа. Как можно расценить тот факт, что в Кемерово после процесса до сих пор еще никто из крайкома не был? Сейчас идут выборы в крупнейших организациях края: Сталинске, Кемерово, Ленинске, Анжерке. Выборы проходят без руководства со стороны крайкома. В этих организациях процветают благодущие и беспечность (см. докладную записку секретаря Кемеровского горкома), но это ничуть не тревожит крайком»²⁷.

Представляется, что это был не единственный донос на попавшую в опалу второго секретаря Запсибкрайкома ВЛКСМ и ее шефа. По логике того времени за разбором следовало исключение из партии, снятие с должности и последующий арест. Что и произошло. Сначала с Н. Пантюховым, затем с Н. Лесковской и многими другими работниками аппарата Запсибкрайкома и райкомов ВЛКСМ края.

31 июля 1937 г. Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) выносит постановление «О секретаре Крайкома ВЛКСМ Пантюхове»:

«Считать установленным, что секретарь Крайкома ВЛКСМ в своей работе саботировал дело разоблачения врагов народа - троцкистско- бухаринских агентов фашизма, явно игнорировал прямые и конкретные указания Крайкома

²⁶ ГАНО. Ф.376. Оп.1. Дело 342. Л.11

²⁷ Там же. Лл.11,12.

ВКП(б) о повышении политической остроты и бдительности в работе Крайкома ВЛКСМ, не выполнил директивы Крайкома ВКП(б) о разоблачении врага народа Спрингиса, пробравшегося к руководству Томской комсомольской организацией, и прикрывал явно враждебных и переродившихся людей.

Неоднократно выезжая в Сталинск, Пантюхов фактически способствовал развалу комсомольской работы в Сталинске.

Бюро крайкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

а) Снять Пантюхова с работы первого секретаря бюро Крайкома ВЛКСМ и вывести его из состава кандидатов бюро Крайкома ВКП(б);

б) Внести на пленум Крайкома ВКП(б) предложение о выводе Пантюхова из состава членов Крайкома ВКП(б).

в) Просить Партколлегию КПК по Запсибкраю дополнительно рассмотреть все материалы по Пантюхову, после чего решить вопрос о партположении Пантюхова»²⁸. После рассмотрения этого вопроса на Партколлегии КПК 8 августа 1937 г. бюро Крайкома ВКП(б) исключает Пантюхова из членов партии²⁹.

Следствие. Исключенные из партии и комсомола руководители Запсибкрайкома были арестованы. Обратимся к документам, отложенным в архиве УФСБ по НСО.

В Протоколе допроса Н. Пантюхова от 26 августа 1937 г. сказано, что он подтверждает свою принадлежность к контрреволюционной троцкистской организации и признает себя виновным. В организацию был вовлечен в августе 1935 г. бывшим секретарем ЦК ВЛКСМ Салтановым, которого знал по совместной работе в ЦК комсомола с 1929 г. В показаниях подследственного говорится: «С 1930 по 1933 гг., находясь на учёбе, я не встречался с Салтановым и восстановил с ним связь только в 1933 году, перейдя на работу в политуправление совхозов. Вскоре после того, как я приступил к работе в политуправление совхозов, Салтанов вызвал меня к себе в ЦК и в беседе сообщил мне о его намерении закрепить меня на комсомольской работе.

Работая в политуправлении совхозов, я часто бывал в ЦК, заходил, как правило, к Салтанову, который мне был известен ближе других секретарей ЦК. В течение всей работы в политуправлении совхозов я неоднократно жаловался Салтанову на ряд трудностей, которыми сопровождалось выдвижение и перемещение на периферии комсомольских работников по линии политотделов МТС. Казалось, что слишком медленно решались эти вопросы в сельхозотделе ЦК ВКП(б).

В начале Салтанов говорил мне о том, что затяжка оформления объясняется необходимостью тщательного отбора этой категории работников, но по мере того, как я начал высказывать ему более резкое недовольство этой медлительностью, Салтанов ответил мне: «А что ты собственно печёшься об этом? Они в ЦК ВКП(б) завели там у себя настолько бюрократический аппарат,

²⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп.18. Д.9022. Л.6.

²⁹ Там же. Л.5.

в недрах которого хранятся не только твои вопросы, но и вопросы, которые имеют большое значение для развития нашей страны!» При этом он высказал явно троцкистские взгляды по отношению к партийному аппарату, который он не назвал иначе, как рассадником бюрократизма.

Под впечатлением от подобных бесед с Салтановым, который являлся для меня значительным авторитетом, во мне начало культивироваться недоброжелательное отношение к ЦК ВКП(б) и зародиться сомнение в правильности проводимой им политики, особенно по вопросам внутривластного режима.

Я поделился своими сомнениями с Салтановым. Он заявил, что это не только моё мнение, но, что и он, и другие (при этом назвал фамилию секретаря Московского комитета ВЛКСМ Лукьянова) мыслят так же.

Такие разговоры продолжались до второй половины 1935 года. То есть до откомандирования меня на работу в Западную Сибирь. В первых числах сентября 1935 г. меня вызвали в ЦК ВЛКСМ, и в ОРКО сообщили мне о решении ЦК послать меня секретарем Западно-Сибирского крайкома ВЛКСМ в Новосибирск.

На этот раз я имел продолжительную беседу с Салтановым. Салтанов сказал мне, что ЦК посылает меня в Западную Сибирь – это очень большой и вместе с тем богатый край. Работы там очень много, и работа довольно сложная. Я ответил ему, что с помощью ЦК постараюсь с работой справиться. В дальнейшей беседе Салтанов сказал мне, что ему очень хорошо известны мои политические взгляды и отношение к ЦК ВКП(б). По заявлению Салтанова, эти взгляды являются совершенно правильными; «и в Сибири» - сказал он мне, - «ты будешь иметь массу фактов, которые окончательно убедят тебя в том, что правы мы, а не они». Понятно было, что «они» - это члены ЦК ВКП(б).

Салтанов информировал меня о том, что в последнее время им и другими членами ЦК ВЛКСМ ведётся большая работа, направленная к тому, чтобы стянуть на ответственную работу в ЦК своих людей, создать сильную группу единомышленников; при этом он назвал мне фамилии Лукьянова, Файнберга, как людей, намеченных к работе в аппарате ЦК ВЛКСМ. Сообщив мне о том, что Западная Сибирь представляет собой край, где в недалёком прошлом были сконцентрированы высланные туда известные троцкисты Раковский, Радек, Муралов, Богуславский и другие...»³⁰.

«Салтанов указал мне на необходимость изучения состава краевой комсомольской организации и выявления троцкистов и сторонников троцкизма и объединения их вокруг себя с тем, чтобы в нужный момент иметь в Сибири хорошо сколоченную троцкистскую организацию из комсомольцев.

Салтанов предупредил меня о том, что сразу же по прибытии в Новосибирск я должен буду горячо взяться за улучшение работы комсомольской организации, приобрести доверие и авторитет краевой партийной организации. Только после приобретения доверия Сибирской партийной организации я

³⁰ Архив УФСБ по НСО. Дело Пантюхова Н.Г. №3598. Протокол допроса. Лл.59,60.

должен был начать работу по формированию троцкистских кадров. Я заверил Салтанова о том, что все его указания будут мной полностью выполнены.

Прощаясь со мной, Салтанов рекомендовал мне по прибытии в Новосибирск установить тесную связь с Тимофеевым, работавшим редактором «Советской Сибири», охарактеризовал мне его как человека, полностью разделявшего нашу точку зрения в вопросах отношения к Сталинскому руководству. Я точно выполнил все его указания. Прибыв в Новосибирск, я сразу взялся за укрепление комсомольской организации, выправив провалы, допущенные бывшим секретарём крайкома Кокориным. К началу 1936 года у меня установились дружеские отношения с Тимофеевым, который неоднократно приглашал меня к себе в кабинет в редакции, где говорил со мной, расспрашивая о моих Московских связях среди ответственных комсомольских работников. В частности, он особенно интересовался моими взаимоотношениями с секретарями ЦК ВЛКСМ Файнбергом, Лукьяновым и Салтановым.

Всегда в самых положительных тонах я информировал его о том, что Салтанов, Файнберг и Лукьянов мне хорошо известны. При этом я высказывал также положительное мнение о них, особенно о Салтанове, которого я знал ближе других. В дальнейших беседах со мной Тимофеев начал высказывать свою озлобленность к руководящему составу крайкома ВКП(б). В частности, к секретарю крайкома Эйхе. При этом, он жаловался мне на то, что крайком забирает у него значительную сумму денег и обращает последние на свои нужды... Наиболее характерным являлся факт высказывания Тимофеевым своего отрицательного отношения к линии ЦК ВКП(б) и борьбе с контрреволюционными троцкистами и правыми элементами. Исключение их из партии за принадлежность к троцкистским и правым группировкам он считал неправильным.

Во всех случаях [я] полностью соглашался с доводами Тимофеева, высказывал ему и своё несогласие с слишком крутыми, жёсткими, по моему мнению, мерами, принимаемыми с троцкистско-правым элементом, оставшимся в партии. На этой беседе с Тимофеевым я заключил, что он так же, как и я, двурушничает и враждебно относится к линии партии, взятой на выявление и изгнание из рядов ВКП(б) троцкистов, правых и связанных с ними»³¹.

Из этого повествования можно сделать вывод, что троцкистская организация единомышленников существовала. Н.Пантюхов приводит множество причастных фамилий и фактов бытовых встреч, постоянных собраний и разговоров между ними. Но планов активных конкретных действий членов этой группы единомышленников совершенно не просматривается. На вопрос, в чём заключалась практическая контрреволюционная работа троцкистской группы, он ответил: «Прежде всего, в том, что все мы стали двурушниками. Формально признавая решения, указания партии о задачах комсомола, о работе среди молодёжи, о коммунистическом воспитании молодёжи, и в то же время последовательно, упорно и неуклонно не проводили это в жизнь. Сознательно проходили мимо крупнейших недостатков в работе

³¹ Архив УФСБ по НСО. Дело Пантюхова Н.Г. №3598. Протокол допроса. Лл.63,64.

отдельных комсомольских организаций. Не организовывали, не искали причин плохой работы. Умышленно давали возможность троцкистам и правым, пробравшимся к руководству отдельными комсомольскими организациями, разваливать эти организации».

На вопрос назвать конкретные факты контрреволюционной деятельности вашей группы, последовал ответ: «...мы, обсудив положение комсомольской организации в свете проводившейся партийными организациями борьбы с троцкистами и правыми, приняли решение не выдавать ни одного человека, состоявшего в связях с троцкистами, и в случае явного провала кого-либо из них, в целях сохранения себя от подозрений принимать некоторое участие в разоблачениях, но одновременно принять меры к переводу таких людей на другую работу, независимо от решений вопроса о пребывании в партии разоблаченного»³². Но практика показывает, что этого им, как правило, не удавалось, причем, на всех даже высших уровнях центральной власти.

Все последующие утверждения Пантюхова в протоколе его допроса в НКВД говорят о том, что деятельность членов правотроцкистской организации в основном сводилась к критике власти, зачастую только призывами к действиям, но не более. Реальных боевых групп и подготовки террористических актов не существовало. На наш взгляд, и не могло быть в условиях тотального контроля и активных опережающих репрессивных действий правоохранительных органов. Это, собственно, и подтверждает подследственный, оговаривая себя, отвечая на конкретный вопрос, что вами практически было сделано, были ли вами созданы террористические группы: «Лично мною террористические кадры в Новосибирске подобраны не были, так как ко времени принятия нами этого решения я не имел никаких связей среди членов Новосибирской комсомольской организации. Короче говоря, я не знал людей – следовательно, выполнить принятое нами решение я не мог, чего не осуществил до дня моего ареста. Ясно одно: если бы меня не разоблачили и не арестовали, я нашёл бы возможность выполнить это решение и террористические кадры в Новосибирске были бы мной подготовлены, но мой арест помешал этому»³³. Создается впечатление, что морально сломленный арестованный наговаривает на себя именно по указке следователей, либо подписывает уже подготовленный ими протокол.

Результат ареста и следственных действий известен. Н.Г. Пантюхов одним из первых был осужден и расстрелян в числе большой группы партийных, хозяйственных и комсомольских работников края в период 1937-1938 гг.

По логике событий того времени настал черед соратников секретаря крайкома. После ареста Н.Лесковской в ноябре 1937 г. и двухмесячной «выдержке» ее в следственном изоляторе, 13 января 1938 г. состоялся очередной допрос обвиняемой. Анализ протокола допроса позволяет сделать вывод о полной информированности следователей по делу арестованной, о насыщенности дела обилием фамилий врагов народа и завербованных ими в

³² Архив УФСБ по НСО. Дело Пантюхова Н.Г. №3598. Протокол допроса. Лл.65,66.

³³ Там же. Л.73.

контрреволюционную правотроцкистскую организацию молодежи. Приводятся весьма своеобразные факты якобы попыток каких-либо организационных действий, направленных на распад существующей политической системы, но реальных противоправных деяний и даже планов не прослеживается. Наветы, интерпретация текущих недостатков под определенным углом зрения, навешивание политических вредительских ярлыков на обычные просчеты в работе, обструкция вполне разумных мнений и поступков превалируют в ответах арестованных.

Обвиняемая Н. Лесковская сама приводит многочисленные надуманные сведения своей «контрреволюционной» деятельности, зачастую просто оговаривая себя и своих товарищей. Создается впечатление, что с ней хорошо «поработали» во время ее предварительного пребывания в тюрьме. Но утверждать это можно только предположительно, сам протокол допроса и другие документы ее дела дают только косвенную информацию о психологическом сломе обвиняемой.

Н. Лесковская приводит не менее двух десятков фамилий и имен знакомых ей уже разоблаченных врагов народа и своих товарищей по работе, утверждая, что была завербована осужденным ранее первым секретарем Запсибкрайкома комсомола. Обратимся к протоколу допроса: «Из членов ВКП(б) я исключена с формулировкой: «За связь с врагами народа, в частности, с бывшим секретарём крайкома ВЛКСМ Пантюховым». В действительности же, как я указала в своем заявлении, причина исключения из ВКП(б) и последовавшего ареста заключается не только в связи с Пантюховым, но и в том, что я на протяжении длительного периода вела активную борьбу с ВКП(б), являлась участницей контрреволюционной троцкистской группы, существовавшей в краевой организации ВЛКСМ и возглавлявшейся Пантюховым... Я должна заявить следствию, что еще до приезда Пантюхова в Новосибирск я имела связь с троцкистами Хоробрых и Зуевым и была ими обработана в троцкистском направлении»³⁴.

Обвиняемая заметно оговаривает своего шефа и себя, часто выдавая недостатки в работе за планомерную вражескую деятельность: «За это время Пантюховым и мной в осуществление задачи засорять руководство организации комсомола враждебными элементами были выдвинуты: секретарем Новосибирского горкома ВЛКСМ Прудовский, известный мне как один из ярых сторонников троцкизма, на работу в качестве секретаря комсомольского комитета на оборонном заводе № 153 – Титов Василий, до этого снятый за развал комсомольской работы в политотделе Томской железной дороги. На работу в качестве секретаря Дзержинского райкома ВЛКСМ был выдвинут Марьин, известный своими неустойчивыми настроениями, проявляющий враждебное отношение к руководству ВКП(б), скатывающееся в троцкизм.

Оказывая прямое содействие Пантюхову в расстановке враждебных людей на руководящую комсомольскую работу, я от него ещё прямого предложения на участие в организации не имела. Это предложение последовало со стороны

³⁴ Архив ФСБ по НСО. Следственное дело Лесковской Н.Я. №5873. Л.10.

Пантюхова позднее... После опубликования в газете «Комсомольская правда» о негодном стиле руководства Новосибирского горкома и крайкома ВЛКСМ, где по существу разоблачалась наша подрывная работа, Пантюхов выехал в ЦК ВЛКСМ и оттуда от имени секретаря ЦК ВЛКСМ Лукьянова дал мне указание положить все силы и оставить у руководства Новосибирской городской организации комсомола Прудовского (*находился под подозрением как враг народа - С.Г.*). Эту директиву Пантюхова и Лукьянова я выполнила, навязав ее на бюро крайкома ВЛКСМ как директиву ЦК ВЛКСМ.

Возвратившись из ЦК ВЛКСМ, Пантюхов хвалил меня за умелое и четкое выполнение указаний и, оставшись со мной наедине, заявил мне, что он окончательно убедился в моём враждебном отношении к ВКП(б), в доказательство чего привел ряд фактов, когда он в моём присутствии высказывал прямые троцкистские взгляды по вопросам партийного руководства комсомолом, на что с моей стороны не встречал возражений, и указывал, что я совместно с ним несу ответственность за подбор враждебных людей на руководящую работу в комсомольской организации и предложил мне принять участие в деятельности троцкистской группы, созданной им по прямому указанию Салтанова, которое он получил при отъезде в Новосибирск.

Я предложение Пантюхова приняла, заявив ему, что о его участии в троцкистской организации я догадывалась и имела намерение сама поговорить с ним об этом. После этого Пантюхов посвятил меня более подробно в дела контрреволюционной группы. Он рассказал мне, что троцкистская группа в Запсибкрайкоме создана по указанию Салтанова и троцкистской деятельностью охвачены многие областные и республиканские комс. организации, где у руководства стоят члены троцкистских организаций.

Пантюхов сообщил, что участниками троцкистской группы являются Калганов Николай, работавший тогда заводделом руководящих комсомольских органов, Спрингис Роберт – бывший секретарь Томского горкома ВЛКСМ, Янцинецкий Александр, работавший заводделом учащейся молодёжи крайкома ВЛКСМ, Гадаев Игнатий, бывший начальник политотдела Томской железной дороги по комсомолу, Прудовский Наум Михайлович - секретарь Новосибирского горкома, Мурашкин Александр Васильевич – бывший секретарь Сталинского горкома ВЛКСМ»³⁵.

Отвечая на вопросы следователей о практической работе троцкистской группы Лесковская приводит штампованную фразу: «Основной целью нашей группы являлось оказание всемерной помощи враждебным элементам и существующим контрреволюционным организациям в деле вооружённого свержения Соввласти и реставрации капитализма в СССР. Исходя из этой цели, главной задачей всех участников нашей группы, в том числе и актива, являлась дальнейшая вербовка новых членов в состав группы, о чём я уже выше дала подробные показания. Пантюхов говорил мне о существовании организаций, подобных нашей, в ряде республиканских и областных организаций. Кроме того, мне со слов Пантюхова известно о существовании в Новосибирской области

³⁵ Архив ФСБ по НСО. Следственное дело Лесковской Н.Я. №5873. Лл.11-13.

правотроцкистской организации, с которой у Пантюхова существовала связь. Из его слов известно, что он был связан с членами центра этой организации...

Наряду с вербовкой новых участников нашей группы, проводили большую подрывную работу в области политического воспитания в комсомоле. Вследствие деятельности участников группы Спрингис, Марьина, Титова, Прудовского, Гнедош во многих организациях комсомола политическое образование комсомольцев было сорвано. Кроме того, актив нашей контрреволюционной группы проводил большую работу в области морально-бытового разложения комсомольского актива, втягивая его в пьянки.

Мной лично, кроме перечисленных выше фактов контрреволюционной деятельности по вопросам вербовки в состав организации и выполнению указаний из ЦК ВЛКСМ о подборе кадров инструкторов и пропагандистов, была сорвана работа по переподготовке секретарей сельских райкомов комсомола. Не обеспечив курсы преподавателями, помещением и учебными пособиями, я добилась того, что 30 районных работников, будучи оторванными от своих районов, проживали в Новосибирске, в районах работа комсомольских организаций разваливалась, а я, истратив все деньги, отпущенные ЦК на проведение курсов, сорвала работу последних.

В 1937 году мною сорвана летняя оздоровительная детская кампания – пионерские лагеря были неподготовлены, и прямым следствием моей вредительской работы являлись факты несчастных случаев в пионерлагерях. Денежные средства, отпускаемые ЦК ВЛКСМ для нужд низовых районных организаций и на культурно-бытовые нужды комсомольского актива, мною не использованы: средства снимались, счета закрывались. Со слов Пантюхова и других членов нашей контрреволюционной группы мне известно, что участники нашей группы Полумосквин и Климина протаскивали контрреволюционную контрабанду в детских газетах.

Участник группы Марьин развалил работу Дзержинской районной комсомольской организации. Гадаев, осуществляя связь с участниками правотроцкистской организации, Ваньяном и Степановым, в то же время был связан с Лукьяновым и Пантюховым и проводил подрывную работу в комсомоле Томской железной дороги, срывая политическое воспитание комсомольцев. Практическая деятельность остальных участников мной показана выше»³⁶.

В протоколе допроса кроме информации о возможной вербовке сторонников нет никаких реальных сведений о контрреволюционных действиях комсомольских работников, за исключением случаев критического обсуждения текущей внутренней политики и деструктивной морально-психологической обстановки в стране, что было несомненной реальностью того времени. Криминала в действиях комсомольцев, даже по ст. 58 тогдашнего УК РСФСР, не было. В основном навешивались надуманные взаимные ярлыки, скорее всего по активной указке следственных органов. Результаты арестов и следственных действий были предрешены...

³⁶ Архив ФСБ по НСО. Следственное дело Лесковской Н.Я. №5873. Лл.20-22.

Суд и приговор. Обратимся дословно к Обвинительному заключению по делу № 14788 по обвинению Лесковской Нины Яковлевны в преступлении, предусмотренном ст. 58-8-7-11 УК РСФСР, утвержденном прокурором при Главной военной прокуратуре военюристом 2-го ранга т. Липовым:

«Управлением государственной безопасности УНКВД по Новосибирской области в июне-августе 1937 года вскрыт и ликвидирован глубоко законспирированный контрреволюционный правотроцкистский центр в составе: Грядинского – бывший пред. Запсибкрайисполкома, Воронина и Тиунова – бывшие заместители предкрайисполкома, Колотилова – бывший зав. сельхозотделом крайкома ВКП(б), Фомина – бывший начальник крайЗУ, Тимофеева – бывший редактор краевой газеты «Советская Сибирь», Кракмана – зав. крайздравотделом и друг.³⁷

Политической целью правотроцкистского центра, как это установлено следствием, являлось провозглашение «Сибирской республики» в момент объявления войны при содействии Японии за счет территориальных компенсаций в ДВК. Правотроцкистский центр организационно был связан с врагами народа Бухариным и Рыковым, от которых получал директивы по контрреволюционной работе в Сибири. Члены правотроцкистского центра, исходя из программно-тактических установок, имели связь с представителями иностранных консульств в Новосибирске, по указанию которых занимались шпионской и диверсионно-разрушительной работой.

Установлено, что правотроцкистским центром в период 1934 – 1937 гг. создана в Новосибирской области широкая сеть контрреволюционных групп и организаций из двурушников, правых и троцкистов. Участники контрреволюционной правотроцкистской организации по заданию своего контрреволюционного центра проводили подготовку вооруженного восстания против Соввласти, занимались шпионско-диверсионной и вредительской работой в области промышленности и сельского хозяйства и вели подготовку террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства.

Следствием по делу установлено, что одним из активных участников названной организации является Лесковская Нина Яковлевна, которая вошла в состав организации в 1936 году по предложению руководителя террористической группы организации Пантюхова Н.Г. В 1936 году от Пантюхова получила установки по проведению подрывной работы по развалу низовых комсомольских организаций, вовлечению новых участников в троцкистскую организацию. Приняв указанное задание, Лесковская в 1937 году лично завербовала в организацию руководящих комсомольских работников: Шольского, Марьина и Мезенева.

³⁷ Упомянутые персоналии были заместителями и соратниками Р.И. Эйхе, первого секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) того времени, известного тем, что он просил центральные власти увеличения лимита по НСО подлежащих расстрелу партийных и хозяйственных работников. Сам впоследствии был расстрелян, не исключено, что в том числе за перегибы на этом поприще.

В марте месяце 1937 года Шольскому дала задание создать террористическую группу в г. Бийске для совершения террористических актов над руководителями советского правительства и ВКП(б). Вместе с другими участниками контрреволюционной организации Лесковская проводила подрывную и вредительскую работу, выразившуюся в развале некоторых районных комсомольских организациях.

На основании вышеизложенного: Лесковская Нина Яковлевна 1906 г.р., русская, гражданка СССР, бывший член ВКП(б) 1926 – 1937 гг. (исключена за связь с врагами народа), окончила 2 курса ИМЛ, до ареста работала вторым секретарем крайкома ВЛКСМ Западно-Сибирского края, обвиняется в том, что, являясь активной участницей контрреволюционной правотроцкистской организации, руководимой врагами народа Бухариным и Рыковым, ставила своей целью свержение Соввласти и реставрацию капитализма в СССР методами шпионажа, вредительства и террора. В течение ряда лет подготовлявшая террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства, она – Лесковская:

1. В 1936 году по предложению руководителя троцкистской организации Пантюхова вошла в состав контрреволюционной правотроцкистской террористической организации.

2. Лично завербовала в организацию Шольского, Марьина и Мезенцева, которым давала задания по контрреволюционно-подрывной работе в комсомоле.

3. В 1937 году дала задание Шольскому по созданию контрреволюционной группы в Бийске.

4. Работая вторым секретарем крайкома (*исправлено: обкома - С.Г.*) ВЛКСМ³⁸, совместно с другими участниками контрреволюционной организации, проводила подрывную вредительскую работу, выразившуюся в засорении троцкистами аппарата крайкома и других комсомольских организаций.

То есть в преступлении, предусмотренном статьей 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновной себя признала полностью. Кроме того, изобличается показаниями обвиняемых: Янцинецкого, Шольского, Калганова и очными ставками с Шольским, Гнедош, Калгановым и Янцинецким.

Настоящее дело подлежит рассмотрению военной коллегии Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 года»³⁹.

Многие арестанты на суде соглашались с предъявленными обвинениями и своими прежними показаниями, хотя, очевидно, их мысли были о другом... Надежда на сохранение молодой еще жизни, желание вырваться из мучительных застенков, прекратить, наконец, моральные и физические издевательства любой ценой...

³⁸ Рукописное исправление неизвестного происхождения – о том, что не крайком, а обком: 1937 году было завершено районирование и с этого года изменилось территориальное деление Новосибирской области, поэтому речь идет не о Западно-Сибирском краевом комитете, а именно – об Новосибирском областном комитете ВЛКСМ.

³⁹ Архив УФСБ по НСО. Следственное дело Н.Я.Лесковской №5873. Лл.69-72.

Интересное суждение по этому поводу опубликовал известный историк комсомола В.К. Криворученко, ссылаясь на высказывание Л.М. Гурвича, одного из последних работников Комиссии по изучению истории Коммунистического союза молодежи и юношеского движения в России и СССР⁴⁰, созданной в 1921 г. по решению ЦК РКСМ. Он пояснил это очень просто: в лагерях и тюрьмах «отучали говорить, что мы были правы, нас научили признавать вымышленные ошибки»⁴¹. Каким образом приучали, нам хорошо известно.

Для некоторых арестованных достаточно было психологического воздействия и зачастую абсурдных показаний во время очных ставок. Существенное значение имели обещания сохранить жизнь в случае соглашения с версией следствия. Многие в течении недель пребывания в условиях следственного изолятора были подавлены, становились опустошенно безразличными к своей дальнейшей судьбе. Как бы там ни было, но Николай Пантюхов и Нина Лесковская, в отличие от других, на суде не стали отказываться от своих показаний и признаний своей мнимой вины, думаю, все-таки понимая, что в любом случае они обречены.

В деле № 5873 сосредоточены Справка о содержании Лесковской в ДПЗ УНКВД по НСО с 12 ноября 1937 г., Протокол Подготовительного заседания выездной сессии военной коллегии Верховного суда, Обвинительное заключение, Расписки о его получении Н.Лесковской, Протокол закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. г. Новосибирск от 4 июня 1938 года и окончательный приговор. Завершает дело № 5873 секретная Справка о том, что приговор о расстреле Лесковской Нины Яковлевны приведён в исполнение в городе Новосибирске 4 июня 1938 года⁴². Решение суда, лишившего жизни молодой, как мы видим практически невиновной женщины, длилось всего 10 минут. Таковы реалии конца 1930-х годов!

Кадровый разгром в аппарате Запсибкрайкома ВЛКСМ.

Трагические последствия постигли подчиненных Н.Г. Пантюхова и Н.Я. Лесковской зав. отделом юных пионеров Леонида Шольского и зав. отделом руководящих комсомольских органов Запсибкрайкома ВЛКСМ Николая Калганова, которые привлекались по одному делу⁴³ и были расстреляны в июне 1938 г.

Персональное дело об исключении из партии как врага народа Л. Шольского было заведено во время его работы в Крайкоме ВЛКСМ, откуда его передали на рассмотрение Бюро Октябрьского райкома партии. До этого он почти 4 года состоял на выборной комсомольской работе в Бийской организации ВЛКСМ, в

⁴⁰ Подробнее о деятельности Истмола и его сибирских отделений см. очерк Сибистпарт и сибистмол: взгляд на проблему. В кн. Очерки истории ВЛКСМ: Сибирские страницы... С.27-35.

⁴¹ Криворученко В.К. Молодежь, комсомол, общество 30-х годов XX столетия: к проблеме репрессий в молодежной среде. Научная монография. М. Московский гуманитарный университет. 2011. С.14.

⁴² Архив УФСБ при НСО. Дело Лесковской Н.Я. № 5873. Л. 72-74; Л.75-75 об.; 76-76 об.; 77.

⁴³ Следственные дела всех обвиняемых комсомольских работников были объединены №14788, затем №9562712 и после перерегистрации в 1958 г. № 5873 Дело Лесковской, № 5874 Дело Калганова, № 5875 Дело Шольского.

том числе в последнее время в качестве секретаря райкома. Из протокола № 17 от 15 августа 1937 г. заседания Бюро РК ВКП(б) следует, что «Шольский являлся одним из руководителей подпольной троцкистско-фашистской группы в Бийской организации ВЛКСМ, которая ставила своей задачей пробраться в руководство... для подрывной контрреволюционной работы. Эта группа пыталась оторвать комсомольскую организацию от партийного руководства. Шольский подбирал и расставлял на различные участки работы «своих людей» из контрреволюционной троцкистско-бухаринской банды, ...сознательно засорял аппарат райкома ВЛКСМ и Комитеты первичных комсомольских организаций враждебными контрреволюционными элементами, развалил работу ряда комсомольских организаций в Пошевнево, колхозы «Красное знамя», «им. Буденого», «Волна», на текстильной фабрике и др.»⁴⁴.

Бюро Октябрьского райкома партии исключило Шольского из рядов ВКП(б) как врага партии и народа. В Новосибирский Горком ВКП(б) была направлена соответствующая записка о «подрывной работе» бывшего секретаря Бийского райкома и зав. отделом Крайкома комсомола. В архивном деле Шольского сохранилась подробная апелляция, которая не была удовлетворена. В ней он пытается доказать, что недостатки в работе не имеют отношения к «искривлению» линии партии, к вражеской и диверсионной работе и никакой контрреволюционной троцкистской организации молодежи он не создавал⁴⁵. Несмотря на это, Шольский был исключен из партии и арестован НКВД. Следующие события развивались уже по другому сценарию.

Обратимся к Справке, утвержденной начальником Управления НКВД по Запсибкраю майором госбезопасности Горбач и Протоколу допроса обвиняемого: «По имеющимся данным в 4-м отделе УГБ УНКВД по ЗСК, Шольским во время его работы секретарём райкома ВЛКСМ в Бийске создана контрреволюционная группа в составе 18 комсомольцев. Помимо вербовки участники контрреволюционной группы занимались разложением комсомольских организаций, дискредитировали партийное руководство, а во время выборов комсомольских органов проводили в них кандидатуры троцкистов – участников контрреволюционной группы»⁴⁶. В Протоколе допроса Шольский обвиняет Лесковскую о его вербовке в контрреволюционную троцкистскую организацию: «Она стала говорить о том, что проводимые ЦК ВКП(б) репрессии по отношению ко всем, примыкавшим когда-то к оппозиции, слишком суровы и требуют немедленного изменения в сторону их смягчения, что всех нас превращают в молчаливых исполнителей директив... Что в партии установлен порядок выполнять, что тебе прикажут, и не думая, верно это или нет, а то выгонят из партии и с работы. Что внутрипартийная демократия – пустой звук, маска, прикрываясь которой ЦК партии творит всё, что ему заблагорассудится. Что этот внутрипартийный режим нужно изменить немедленно и что, по её мнению, изменять его можно лишь при удалении

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-22. Оп.7. Д.5659. Л.5.

⁴⁵ Там же. Лл.1-4

⁴⁶ Архив УФСБ по НСО. Дело Шольского Л.Н. № 5875. Л.1.

нынешнего руководства партии, а это без упорной борьбы с ЦК невозможно. Что нужна именно упорная, ожесточённая борьба с руководством партии.

Я в этом разговоре принимал деятельное участие и сказал Лесковской, что полностью разделяю её убеждения. Это, видимо, убедило Лесковскую, что я достаточно обработан, так как наши с ней разговоры и беседы сводились, как я понял потом к этому. Тут же она рассказала мне, что в крае существует подпольная троцкистская организация, ставящая своей целью борьбу с генеральной линией партии и свержение существующего строя, и предложила мне вступить в эту организацию»⁴⁷. Таким образом на допросе Шольский полностью «сдаёт» Лесковскую и воспроизводит с ее слов фамилии членов этой мифической организации. Трудно в полной мере винить в этом арестованного, возможно, судя по текущим событиям, обреченного на пытки и смертный приговор.

Под давлением следствия, как потом выяснилось, под физическим и моральным воздействием, Шольский соглашается, что получал и частично выполнял ее вражеские задания: «Работая в отделе пионеров крайкома... я увидел, что работа среди пионеров и школьников развалена. Сначала я принялся восстанавливать состояние пионерорганизаций, но потом, когда вошёл в состав троцкистской организации, я эту работу повёл в обратном направлении. Штат вожатых в пионерских отрядах был крайне засорён, политическое воспитание детей было доверено классово чуждым людям. Я этот штат вожатых ещё более засорил классово чуждыми людьми. Срывал коммунистическое воспитание детей, снимал с работы лучших квалифицированных проверенных пионервожатых как не справившихся с работой.

Мною была сорвана работа курсов по подготовке начальников и старших пионервожатых лагерей, что я сделал путем несвоевременной подготовки помещения для курсов, не подобрал преподавателей, не дал вовремя разнарядки районам о количестве мест на курсах, сорвал краевое совещание пионервожатых по летней работе среди детей. Этим срывом курсов и совещания я нанёс вред проведению летней детской оздоровительной кампании. Мной санкционировано открытие нескольких летних пионерских лагерей в помещениях, совершенно не приспособленных для этой цели, что подчас угрожало опасностью для жизни детей. Так было с пионерлагерем в городе Сталинске, где я разрешил открыть лагерь с количеством в 300 человек детей в помещении опасном в пожарном отношении, причём в этом помещении не было даже противопожарного инвентаря.

Иногда пионерлагеря были открыты без достаточного количества пионервожатых, в результате чего очень часто имели место несчастные случаи с детьми. Мною была сорвана подготовка кадров пионервожатых, так как я сорвал открытие в 1937 году краевой школы вожатых несмотря на специальное указание об этом ЦК ВЛКСМ.

Всё это вместе взятое привело к тому, что в ряде школ из-за отсутствия работы по коммунистическому воспитанию детей начали появляться

⁴⁷ Архив УФСБ по НСО. Дело Шольского Л.Н. № 5875. Л.12.

антисоветские вылазки, обнаруживались контрреволюционные прокламации религиозного содержания, распространялись фашистские значки. Такие явления имели место в 52-й школе города Новосибирска, в НСШ станции Эйхе, в школах Бийска и Томска и других районах края. О всех этих явлениях меня информировали, но никаких мер к их устранению я не принимал»⁴⁸.

Анализ многих утверждений Шольского и деталей его подробного допроса, опубликованных в следственном деле, позволяет сделать предположительный вывод о моральном сломе обвиняемого, в результате - оговоре себя и своих товарищей. Под силовым воздействием следственных органов вынужденно придать обычным недостаткам в работе политический контрреволюционный оттенок. Как можно оказывать троцкистское влияние на пионеров-подростков, мало понимающих «текущую политическую линию партии», причем, не на политзанятиях, а на летнем отдыхе? Тем более, что в Протоколе закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР 4 июня 1938 г. отмечено, что подсудимый «виновным себя НЕ признаёт и показания, данные им на предварительном следствии отрицает – он ложно себя и ее оговорил: Лесковская в контрреволюционную организацию его не вербовала». В предоставленном последнем слове подсудимый заявляет, что участником контрреволюционной организации никогда не был и просит суд о справедливости⁴⁹. Заседание суда длилось всего 10 минут. Шольский Леонид Николаевич был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Новосибирске в тот же день 4 июня 1938 г. Акт хранится в особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР. Том 10. Лист 16⁵⁰.

В это же время шло разбирательство с другими арестованными работниками аппарата крайкома комсомола. В Следственном деле № 5874 Н.В. Калганова в Справке, подписанной известным уже нам начальником УНКВД по Запсибкраю сказано: «Следствием по делу установлено, что в составе крайкома ВЛКСМ существовала контрреволюционная группа, в состав которой входил Калганов. Арестованный по данному делу Пантюхов показал: в бюро краевого комитета ВЛКСМ организационно оформилась и существовала контрреволюционная троцкистская группа в составе меня (Пантюхова), Калганова..., которая вела активную контрреволюционную деятельность. Практическая контрреволюционная деятельность этой группы заключалась в том, что все мы стали двурушниками, формально признавая решения и указания партии... последовательно, упорно и неуклонно не проводили их в жизнь... Калганов как участник контрреволюционной троцкистской организации участвовал в разработке плана совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства, а также вёл активную подготовку необходимых для этой цели террористических актов. Пантюхов 22 августа сего года по этому вопросу показал: 1 декабря 1936 года ...в моей квартире собрались я (Пантюхов), Гадаев и Калганов. Гадаев информировал нас

⁴⁸ Архив УФСБ по НСО. Дело Шольского Л.Н. №5875. Лл.14-15.

⁴⁹ Там же. Л.96.

⁵⁰ Там же. Л.96.

о том, что он привёз из Москвы директивы Лукьянова о подготовке в ЗСК террористических кадров, которые можно было бы в нужный момент перебросить в Москву.

Мы между собой распределили районы, в которых наметили создание тергрупп. Калганов должен был вести эту работу в Кемерово, где он имел обширные связи среди комсомольской организации и знал людей, враждебно настроенных к Советской власти и партии... Со слов Калганова мне известно о том, что им были подготовлены несколько человек террористов в Кемерово»⁵¹.

В Обвинительном заключении по делу, утвержденном прокурором при Главной военной прокуратуре военюристом 2-го ранга Липовым, по обвинению Калганова Н.В. в преступлении, предусмотренном ст. 58-7-8-11 УК РСФСР говорится: «Следствием установлено, что одним из активных участников названной организации являлся Калганов Николай Васильевич, который вошёл в состав организации в 1936 году по предложению руководителя террористической группы организации Пантюхова. В 1936 году получил указания от Пантюхова о проведении подрывной работы, направленной на развал комсомольских организаций. Участвовал в нелегальном сборище 1 декабря 1936 года, где получил задание от руководства организации о создании террористической группы в городе Кемерово.

На основании вышеизложенного: Калганов Николай Васильевич 1909 года рождения, русский, гражданин СССР, уроженец с. Мягкое Серебряно-Прудского района Московской области, служащий, член ВКП(б) с 1930 по 1937 гг., исключен за связь с врагами народа, до марта 1937 года работал зав. ОРКО крайкома ВЛКСМ⁵², обвиняется в том, что является активным участником контрреволюционной правотроцкистской организации, руководимой врагами народа Бухариным и Рыковым, ставившей своей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР методами шпионажа, вредительства и террора. В течение ряда лет им подготовлялись террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советского правительства. Он, Калганов:

1. В 1936 году по предложению руководителя террористической организации Пантюхова вошёл в состав контрреволюционной правотроцкистской организации.

2. По заданию Пантюхова проводил подрывную работу по развалу комсомольских организаций.

3. Участвовал в нелегальных сборищах, где обсуждались вопросы о подготовке террористических кадров.

4. Лично ему было поручено организовать террористическую группу в городе Кемерово.

То есть преступления, предусмотренные ст. 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал полностью.

Кроме того, изобличается показаниями Пантюхова, Лесковской, Янцинецкого, Тимофеева и очной ставкой с обвиняемой Лесковской.

⁵¹ Архив УФСБ по НСО. Дело Калганова Н.В. №5874. Л.1.

⁵² ОРКО - Отдел руководящих комсомольских органов, так называемый орготдел крайкома, куда был выдвинут Н.Калганов с поста секретаря Кемеровского горкома комсомола.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в порядке закона от 1 декабря 1934 г.»⁵³. В деле также находится справка, в которой указано, что арестованный Калганов содержится в ДПЗ⁵⁴ УНКВД с 13 сентября 1937 г. Вещественных доказательств по делу нет. Тем не менее Калганов, как и все другие фигуранты этого дела был расстрелян в день вынесения окончательного приговора 4 июня 1938 г.

Осужденные вместе с Ниной Лесковской по одному делу к ВМН⁵⁵ - расстрелу, работники аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ Николай Калганов и Леонид Шольский на суде не признали своей вины, но это ничего не изменило. Н. Калганов просил суд учесть многолетнюю честную работу на комсомольском поприще. Л. Шольский просил суд о справедливом решении⁵⁶.

Фронтальный анализ приведенных и не вошедших в данный материал архивных документов показывает, что на самом деле обвинения строились на бездоказательной базе, в основном на голословных показаниях, оговорах и на конъюнктурной основе, как и многие другие обвинения, о которых пойдет речь ниже.

Репрессии среди комсомольских работников областей Запсибкрая. Среди сибирских комсомольских лидеров по делу о принадлежности к контрреволюционной правотроцкистской организации в Западной Сибири был арестован, осужден и расстрелян первый секретарь Томского горкома ВЛКСМ Р. Я. Спрингис.

Роберт Яковлевич Спрингис родился 14 августа 1904 в Новгородской губернии в семье латышского крестьянина. В 1927 был направлен учиться в Москву в комуниверситет национальных меньшинств Запада им. Ю. Мархлевского. По окончании комвуза с 1932 по 1935 гг. вместе с женой по направлению ЦК партии работал в пропагандистских кружках Гурьева, Ярославля, Гусь-Хрустального. Затем их как уже имеющих опыт пропагандистской работы включили в состав пропагандистской группы ЦК ВЛКСМ и направили в г. Сталинск (ныне - г. Новокузнецк).

После упразднения пропагандистской группы был направлен на комсомольскую работу в Томск, где начал работать в должности заведующего культурно-пропагандистским отделом горкома комсомола, а затем – секретарем горкома.

30 июля 1937 г. в газете «Большевицкая смена» (органе Запсибкрайкома и Новосибирского горкома ВЛКСМ) была опубликована передовая статья, в которой было указано, что секретарь Томского горкома ВЛКСМ Роберт Спрингис «проводил явно враждебную работу в организации, возглавлял враждебные настроения в вопросах материального положения студенчества, срывал политическое воспитание молодежи, отвлекал организацию от борьбы с

⁵³ Архив УФСБ по НСО. Дело Калганова Н.В. №5874. Лл.102-103.

⁵⁴ ДПЗ - Дом предварительного заключения.

⁵⁵ Высшая мера наказания - расстрел; в некоторых архивно-следственных документах казуистически называется ВМСЗ - высшая мера социальной защиты.

⁵⁶ Архив УФСБ при НСО. Д.5875. Л.94. Дело Шольского Л.Н. №5975. Л.94.

врагами народа». На следующий день, 31 июля 1937 г. Спрингиса арестовали. В этот же день он был исключен из членов ВКП(б).

После ареста Р. Спрингис был этапирован для следствия в Новосибирскую тюрьму НКВД. 1 августа 1937 г. с разоблачительными статьями в его отношении вышли газеты: та же «Большевистская смена», а также томская газета «Красное знамя» со статьей «Разгромить вражескую агентуру в комсомоле». 2 и 6 августа газета «Красное знамя» вновь вспомнила о вражеской деятельности Спрингиса. Еще до вынесения приговора 5 августа 1937 г. на состоявшемся VI пленуме Томского горкома комсомола его ещё раз гневно заклеямили, а также заклеямили его жену как недостаточно активно осуждавшего своего мужа. 3 сентября 1937 она также была арестована.

27 октября 1937 г. в ходе подготовительного заседания Военной Коллегии Верховного суда СССР было принято решение предать Р. Спрингиса суду Военной Коллегии Верховного суда СССР по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР в порядке закона от 1 декабря 1934 г., т.е. дело заслушать в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. 28 октября 1937 г. суд Военной Коллегии Верховного суда СССР вынес в отношении его смертный приговор, в этот же день он был расстрелян в Новосибирской тюрьме НКВД⁵⁷. Реабилитирован 12 декабря 1956.

На допросе в НКВД 31 августа 1937 г. Спрингис признал, что до ареста являлся участником контрреволюционной право-троцкистской организации, в которую был вовлечен Никульковым В.И., работавшим в 1932-1936 гг. ответственным (первым) секретарем Томского горкома ВКП(б), но «практически никакой троцкистской работы не вел и задания как таковые не получал». Спрингис признал, что «установки от Никулькова сводились к тому, чтобы оторвать комсомольскую организацию от партии и очередных задач соц. строительства... и практически провести следующее:

1. Ликвидировать политическую учебу комсомольцев и студенческой молодежи вообще, путем развала штата пропагандистов, привлечения к руководству школами и кружками политучебы политически безграмотных и соц. чуждых людей, сосредоточив всю работу комсомольской организации на академической учебе и культурном проведении времени, в форме вечеров самодеятельности, танцев и организации художественных школ.

2. Прекратить изгнание из комсомола лиц, скрывших свое происхождение, из соц. чуждой среды и связи с ней при вступлении в ВЛКСМ. Одновременно развернуть работу по приему в комсомольскую организацию классово чуждого и другого антисоветского элемента.

3. Производить обработку политически неустойчивых и соц. чуждой молодежи для привлечения новых членов в нашу контрреволюционную организацию»⁵⁸.

⁵⁷ Архив Мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД». Книга памяти Томской области.

<https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/springis-robert-yakovlevich/> Томским исследователям удалось выложить в интернет подлинники и ввести в научный оборот все обвинительные документы по следственному делу репрессированного и расстрелянного Р.Я. Спрингиса.

⁵⁸ Архив: УФСБ по Томской обл. Ф-8 О-1. Дело П-99.

Далее под давлением следствия Спрингис приводит множество фамилий якобы вовлеченных в Томске в контрреволюционную троцкистскую молодежную организацию, с том числе студентов ряда томских вузов, зачастую просто оговаривая их и себя. В протоколе допроса приводятся следующие сведения:

«Следствием установлено, что право-троцкистская организация, участником которой Вы являлись, практически подготавливала террористические акты в отношении руководящих работников ВКП/б/ и правительства. Почему Вы это скрываете? Признаюсь, что об этом я умолчал, так как мне тяжело говорить об этом. Я действительно получал задания от членов нашей организации Машкина (бывший секретарь Горкома ВЛКСМ, осужден за к/р работу в 1936 году) создавать боевые террористические группы из к/р части студенческой молодежи, привлекая для этого наиболее озлобленных против ВКП/б/ и сов. власти лиц... В соответствии с полученными мною от Никулькова, Машкина и Пантюхова указаниями, я сделал следующее:

1. Лично сам завалил учет у комсомольцев физ.-технич. института, где я являлся руководителем полит. кружка, и давал установки на срыв политучебы другим пропагандистам.

2. Возглавлял саботаж по выполнению новой программы ЦК ВЛКСМ, по изучению истории партии, игнорировал и не проводил в жизнь решения пленума ЦК ВЛКСМ об обязательном привлечении к пропагандистской работе руководящих комсомольских работников.

3. Скрыл от комсомольцев решение Пленума Горкома ВКП/б/ о поднятии политической активности и бдительности комсомольцев.

4. Развалил работу Пленума Горкома ВЛКСМ, созыв которого я оттягивал в течение 9 месяцев.

5. Длительно и планомерно разваливал колхозные организации ВЛКСМ, не давал им никаких установок по работе, не посылал в помощь руководящих комсомольских работников из города. До июня месяца 1937 года ни разу не созывал для инструктажа секретарей деревенских организаций ВЛКСМ, не давал им никаких указаний. Работа их никогда не обсуждалась на Бюро Горкома ВЛКСМ и на собрании комсомольского актива.

6. Засорял комсомольскую организацию выходцами из классово чуждой среды, и другими антисоветскими элементами, путем приема их в ВЛКСМ и оставления их в рядах комсомола в случае разоблачения первичными организациями»⁵⁹.

Анализ протокола допроса и косвенных материалов, отложенных в следственном деле Р. Спрингиса позволяют сделать вывод, что инкриминировать арестованному можно было лишь развал в работе, за который следовало его наказать, в том числе и по партийной линии, но не приговаривать

<https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/MATIROLOG/SpringisRJ/Protokol-doprosa-obvinyаемого-Springis.pdf>

⁵⁹ Архив: УФСБ по Томской обл. Ф-8. О-1. Дело П-99.

<https://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/MATIROLOG/SpringisRJ/Protokol-doprosa-obvinyаемого-Springis.pdf>

в высшей мере наказания. Это не соответствовало даже тогдашней статье 58 УК РСФСР, по которой привлекались большинство обвиняемых комсомольских работников.

Репрессиям подвергались не только секретари горкомом и райкомов. В таком же положении были лидеры комсомольских организаций вузов, предприятий и колхозов. Ярлыками активных троцкистов были награждены, например, Марьин, секретарь Дзержинского РК ВЛКСМ, В.Титов, секретарь комитета комсомола оборонного завода № 153 (ныне - завод им. В.Чкалова), И.Гадаев, нач.политотдела Томской железной дороги по комсомолу и др.

Решением Ленинск-Кузнецкого ГК ВКП(б) 4/П. 1937 г. был исключен из партии В.М.Светлицкий как «троцкист-двурушник, активный пособник банды диверсантов Шахновича (*директор шахты им. С.М.Кирова*) и протаскивание троцкистских взглядов... Установлено, что Светлицкий арестован НКВД»⁶⁰. Во время исключения он работал нач. КРО шахты им. С.М.Кирова. Вся вина Светлицкого заключалась в том, что во время учебы в Томском Технологическом институте и будучи секретарем партколлектива, он не вел борьбы с троцкистами. В решении парторганизации об исключении из партии сказано: «Светлицкий, состоя в партии, двурушничая, создавал видимость борьбы с троцкистами, подхалимничая, стремился войти в доверие партийной организации...»⁶¹. Затем, работая в Крайкоме ВЛКСМ допустил выдвижение троцкиста Л.Машкина в члены бюро Томского горкома партии и секретаря горкома ВЛКСМ... «Светлицкий объясняет это ошибкой, но эта ошибка была сделана неслучайно, т.к. это подтверждается также его связями с троцкистскими диверсантами Бушиным и Шахновичем уже во время работы нач. КРО на шахте»⁶². Бюро ГК ВКП(б) тщательно готовилось к рассмотрению дела В.Светлицкого: в его партийном личном деле отражены факты, казалось бы, безобидных высказываний, что индустриализацию партия провела за счет крестьянства, что свободы как таковой у нас нет и быть не может, а также по сути специально организованные доносы работавших с ним К.Каминского, К.Федосеевой, О.Клинкевича⁶³. Результат - арест, следствие и расстрел 31-летнего бывшего партийного и комсомольского работника, и молодого производственника.

В архивном деле зав.отделом Запсибкрайкома ВЛКСМ А. Янцинецкого в его Заявлении на имя председателя выездной тройки ЦК ВКП(б) т. Лихачевой сказано. что, будучи в командировке по поручению крайкома комсомола в г. Томске он не разоблачил там секретаря горкома ВЛКСМ Спрингиса, оказавшегося врагом народа. За это его исключили из партии и освободили от должности зав.отделом крайкома после всего лишь 5 месяцев работы. Он согласился, что вина его заключалась в том, что «я не сумел политически правильно оценить действия Спрингиса и, настаивая на снятии его с работы, не квалифицировал его действия заведомо ложными». Янцинецкий до выдвижения на комсомольскую работу в течении трех с половиной лет работал в политотделе

⁶⁰ ГАНО. Ф.П-8. Оп.1.Д.3088. Л.16.

⁶¹ Там же. Л.2.

⁶² ГАНО. Ф. П-8. Оп.1. Д.3088. Лл.2,3.

⁶³ Там же. Лл.4,5, 7-12.

Томской дороги, за хорошую работу был награжден, имел 10-летний партийный 17-летний комсомольский стаж и партвзысканиям никогда не подвергался. Он просил внимательно ознакомиться с его делом, отмечал что понял свои ошибки и писал, что «если партия предоставит мне возможность, я на работе докажу свою преданность партии»⁶⁴.

Янценецкий также написал заявление в комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), где подробно изложил обстоятельства своего дела: «На бюро Крайкома ВЛКСМ б/секретарь крайкома партии Шубриков обвинил меня в том, что я не выполнил его указания о разоблачении секретаря Томского ГК ВЛКСМ Спрингис, проводившего в Томске враждебную работу. Как обстояло дело на самом деле? 23 июня я выехал в командировку в Томск для оказания помощи ГК ВЛКСМ в проведении отчетно-выборной кампании, перед отъездом я никаких указаний от Шубрикова не получал и только будучи в Томске узнал от инструктора Крайкома ВКП(б) Костюченко, что он имеет поручение от Шубрикова вместе со мной подготовить к бюро Крайкома ВКП(б) сообщение Томского ГК партии о руководстве выборами в комсомоле.

7/VI бюро крайкома ВКП(б) под председательством Шубрикова слушало секретаря Томского ГК партии Кужелева и Спрингиса. Выступающий на бюро Шубриков и др. указывали на целый ряд недостатков и ошибок в руководстве выборов в комсомоле, однако, ни в выступлении на бюро, ни в принятом решении не было даже намека на враждебную работу Спрингиса. Шубриков до меня был в Томске, проводил городскую партконференцию, при нем Спрингис был избран в члены ГК и делегатом на городскую партконференцию, что мешало ему разоблачить Спрингиса на партийной конференции или, наконец, на бюро крайкома партии. В крайкоме комсомола я работаю недавно... до работы в крайкоме я совершенно не знал Спрингиса и после первой своей поездки в Томск резко критиковал его за работу, но моей грубейшей политической ошибкой является тот факт, что сам я не сумел правильно политически оценить ошибки Спрингиса, не сумел в этих ошибках разглядеть сознательную вражескую работу, за это я заслуженно должен нести суровое партийное наказание. Однако, я никогда не был и не буду пособником врагов народа»⁶⁵.

Судя по этим материалам, Янценецкий пострадал всего лишь за конфликтные отношения на прежней работе и разногласия с партийными работниками, но в результате рассмотрения его дела 7 августа 1937 г. бюро Новосибиркома исключило его из партии за пособничество врагам народа. Его дело было сдано в архив, а сам он был арестован НКВД, о чем и было сообщено в Москву в комиссию партконтроля Короткову⁶⁶.

А. Янценецкий был обвинен как активный участник контрреволюционной троцкистской организации, разоблаченной УГБ УНКВД по Новосибирской области в конце 1937 г. В Обвинительном заключении сказано: «Янценецкий Александр Иосифович, 1905 г. рожд., русский, гр. СССР, урож. г. Томска,

⁶⁴ ГАНО. Ф.9. Оп.1. Д.1539.

⁶⁵ Там же. Лл.6,7.

⁶⁶ Там же. Лл.1-4.

служащий, б. член ВКП(б) с 1927 по 1937 г., исключен за связь с врагами народа,. До августа 1937 г. работал зав. отделом учащейся молодежи Запсибкрайкома ВЛКСМ обвиняется в том, что... он - Янценецкий:

1. В 1937 году по предложению руководителя террористической группы Пантюхова вошел в состав контрреволюционной правотроцкистской организации.

2. По заданию Пантюхова совместно с участником организации Спрингис в г. Томске [организовал] террористическую группу, предназначенную для совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и советского правительства.

3. Работая заведующим отделом учащейся молодежи крайкома ВЛКСМ, совместно с другими участниками к-р организации проводил подрывную вредительскую работу, выразившуюся в руководстве комсомольских организаций, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7-8-11 УК РСФСР.

Виновным себя признал полностью. Кроме того, изобличается показаниями обвиняемых: Пантюхова, Калганова, Лесковской и Шольского и очной ставк. с обв.[иняемой] Лесковской.

Настоящее дело подлежит рассмотрению Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, в порядке закона ЦИК СССР от 1/ХІІ 1934 года»⁶⁷.

Репрессивные процессы протекали неоднозначно. Часть обвиненных комсомольских работников кроме обструкции подвергались арестам и детальным расследованиям органов внутренних дел, за которыми следовали длительные сроки осуждения, ссылки и расстрелы. Некоторые работники, обвиненные в связях с врагами народа, после тщательного разбора персональных дел были освобождены от обвинений, хотя и не все были восстановлены на прежней работе. Так, в марте 1936 г. в комсомольской организации Кемеровского Коксохимического завода была избрана секретарем комитета Ольга Голощекина, которая впоследствии была выдвинута на работу в Кемеровский горком ВЛКСМ, а в августе 1937 г. была утверждена зав. отделом учащейся молодежи Новосибирского обкома ВЛКСМ⁶⁸.

После менее полугода работы, как пишет сама О.М.Голощекина в партийной автобиографии, «по клеветническим материалам была обвинена в связях с врагами народа и снята с работы в обкоме. Первичная парторганизация обкома ВЛКСМ вынесла мне выговор «за потерю революционной бдительности и за некоторые связи с врагами народа» ... Октябрьский РК ВКП(б) разобрал мое дело, выговор, данный мне первич. парторганизацией не утвердил, решение первичной организации отменил, как необоснованное и клеветническое... Решением бюро и затем пленума Новосибирского обкома ВЛКСМ обвинения предъявленные мне ранее были признаны вымыслом и клеветой и изменена

⁶⁷ Архив УФСБ Томской области. Д. П-2103. Л.77-79. <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/yanceneckij-aleksandr-iosifovich/>

⁶⁸ ГАНО. Ф.4. Оп.18. Д.2377. Л.3.

формулировка снятия с работы. Пленум обкома записал: «освободить в связи с переходом на др. работу»⁶⁹. Другая работа, конечно, не была связана с освобожденной комсомольской. Таким образом часто увольняли незапятнанных работников по надуманным основаниям, ослабляя работу комсомольских органов с молодежью.

В декабре 1937 г. был снят с работы и выведен из членов бюро и пленума обкома комсомола бывший секретарь Барнаульского горкома ВЛКСМ, работающий в краевом комитете по физкультуре и спорту Аркуша Ф.К. Ему выразили политическое недоверие и обвинили в связях с разоблаченными врагами народа в комсомоле.

При разборе дела в Кагановичском райкоме ВКП(б) все факты предъявленного обвинения были признаны необоснованными и никаких партвызысканий наложено не было. Однако, на прежнем месте его не восстановили и направили на рядовую работу начальником отдела кадров Запсибдревтреста⁷⁰. Следует заметить, что это не повлияло на последующую партийную карьеру Ф. К. Аркуши, который в 1940 г. был избран в состав Центрального райкома ВКП(б), а пленумом избран членом бюро и утвержден зав. оргинструкторским отделом райкома. Затем 8 февраля 1941 г. он был выдвинут вторым секретарем Октябрьского райкома⁷¹, а 14 октября 1941 г. первым секретарем Дзержинского РК ВКП(б)⁷².

Надуманные «чистки» рядов комсомольских работников и актива касались в разной степени их связей с сосланными «врагами народа» и спецпереселенческой молодежью. В докладной записке в Запсибкрайком «Об итогах 3-й Нарымской окружной конференции ВЛКСМ работавший в то время зав. оборонно-спортивным отделом крайкома, Аркуша сообщает об исключении из комсомола до открытия конференции делегатов Штепы, секретаря Каргасокского райкома ВЛКСМ и Вепринцева, зав. отделом политучебы и лишения мандатов на самой конференции комсомольских работников Климчака, Лебедева и Соколова за связь с врагами народа, «искривления линии партии», браки с сосланными и переселенцами, а также за родственные связи с осужденными. Среди них знакомые Штепы Веряскин, Белимов, Волков. Всех этих «враждебных и политически непроверенных» людей Штепа на бюро окружкома справедливо и с риском для себя защищал, и только на бюро окружкома партии под давлением был вынужден «признать свои ошибки». Также бюро окружкома партии выразило недоверие Эндеру, отстранив его от должности секретаря и члена бюро окружкома за принятие на пленуме антипартийного решения в вопросе приема в комсомол спецпереселенческой молодежи, уравнивая ее со всей молодежью, широко открывая для нее двери комсомола, а также потерю политической бдительности в работе.

В докладной записке отмечено, что на конференции «вскрылось исключительно большое засорение организации различными чуждыми и

⁶⁹ ГАНО. Ф. П-22. Оп.5. Д.1230. Лл. 3,4.

⁷⁰ ГАНО. Ф. 22. Оп.5. Дело 193. Лл. 3,4.

⁷¹ Там же. Л.8.

⁷² Там же. Л.10.

разложившимися элементами, многочисленные факты женитьбы комсомольцев и даже актива на спецпереселенцах, родственные связи с ссыльными и что окружном и райкомы с этим не вели острой решительной борьбы»⁷³.

В выступлениях комсомольцев на конференциях и пленумах комитетов, в прениях требовалось в обязательном порядке высказывать соображения о необходимости «революционной бдительности», проводить тенденциозные «разборы» их бытовых поступков, порой совершенно безобидных высказываний. Зачастую их смысл приобретал нелепый характер. Политические ярлыки навешивались на совершенно нейтральные действия комсомольцев. В одном из выступлений сказано: «В Кытмановский район из края был прислан на должность режиссера дома Соцкультуры враг народа Светличный. Этот прохвост Светличный выхолащивал из плана работы все политические вопросы, проповедовал буржуазную теорию о том, что культурно-массовая работа не имеет ничего общего с политикой, наше дело, говорил он - ставить спектакли, танцевать и т.п.»⁷⁴.

После IV Пленума ЦК ВЛКСМ в решениях и резолюциях региональных комсомольских конференций и пленумов, в отчетах и справках появляются специальные разделы «О вредительской деятельности троцкистов и двурушников в комсомольских организациях», «О революционной бдительности», «О контрреволюционной деятельности врагов народа и их приспешников», «О вражеских агентах и диверсантах, пробравшихся в комсомол» и т.д. Так например, в докладной записке в Крайком ВЛКСМ «О состоянии борьбы с вражеской агентурой в Бийской комсомольской организации ВЛКСМ» отмечается:

«В Бийской организации комсомола вскрыта и разоблачена троцкистско-фашистская, японо-германская подпольная группа, ставившая своей задачей:

1. Через подпольную работу среди комсомольцев разгромить руководство райкома ВЛКСМ, насадить своих людей в первичных комсомольских организациях, и захватить руководство в райкоме ВЛКСМ.

2. Дискредитировать партийное руководство комсомолом и оторвать комсомол от партии из под партийного идейного руководства.

Подпольная группа работала конспиративно с 1936 года, особенно активизировав свою деятельность с конца 1936 года, имея непосредственную связь с сыном Троцкого Седовым (*и это на периферии!* - С.Г.)... Методом работы фашистской подпольной группы являлись: создание (для отвлечения) парадности и шумихи через организацию походов, экскурсий, фестивалей, банкетов и т.д. подхалимство, двурушничество, бытовое разложение молодежи, показывая бдительность, и учет настроения молодежи, использование для привлечения в свою троцкистскую группу «недовольных», «обиженных», вредительство в аппарате райкома и первичных организациях, путем контрреволюционных установок на собраниях во время отчетно-выборной кампании, истолковывание демократии как ослабление руководства,

⁷³ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1108. Лл.56-58.

⁷⁴ Там же. Л.68.

представление ложных сведений по политучебке, через создание видимости благополучия. развал комсомольских организаций, торможение роста комсомольских организаций»⁷⁵.

Решением бюро районного комитета партии от 7/VIII отмечено, что в подпольную троцкистско-фашистскую группу входили 8 комсомольских работников, руководитель Шольский Л. К данной подпольной троцкистской группе близко примыкали еще 7 человек (*указаны фамилии - С.Г.*)

В докладной записке приводятся конкретные сведения компрометирующего характера на членов этой группы Шольского, Реута, Лужбинину, Седова, Чиркову, а также выдвинутых Шольским Горячева, Нежиловского, Захарова и др., (*всего 9 человек - С.Г.*), в основном на рядовую комсомольскую работу в хозяйствах⁷⁶. Весьма колоритным представляется стиль этих архивных документов: «Все вышеперечисленные троцкистские последыши имели свою агентуру в первичных организациях, разоблачение которых еще только началось...»

В заключении сделаны соответствующие выводы. Автор записки работник аппарата Запсибкрайкома ВЛКСМ, проверяющий М.Седов, машинопись подписана лично секретарем крайкома Н. Лесковской⁷⁷.

По решению IV Пленума ЦК ВЛКСМ работники аппарата Запсибкрайкома выезжали на места с целью организации борьбы с врагами народа в комсомоле, рассматривая текущие недостатки в работе через призму вражеского влияния на молодежь и предполагая репрессивные действия в отношении инакомыслящих. В Справке для членов бюро Крайкома ВЛКСМ «О положении в Болотнинской районной организации ВЛКСМ», подписанной зав.отделом крестьянской молодежи Крайкома Адоньевым говорится: «В январе-феврале месяце с.г. Краевой комитет ВКП(б) вскрыл контрреволюционный троцкистский гнойник в руководстве Болотнинского района. Во главе с председателем Болотнинского РИКа Добрыгиным в районе свирепствовала шайка отъявленных мерзавцев, ставившая своей целью развалить колхозы, подорвать авторитет партии в массах, задуть инициативу и активность масс.

Руководство Болотнинской районной комсомольской организации (Максимов, Лебедев и др.) вместо разоблачения этой шайки оказались на поводу у врагов народа и переняли у них все, что давит инициативу и активность, и разваливает работу»⁷⁸.

Реабилитация. В период 1954-1958 гг. все названные комсомольские работники были реабилитированы, а их дела пересмотрены. В ходе реабилитационных действий в конце 1950-х годов, свидетель Никитина, которая содержалась в камере вместе с Лесковской, утверждала, что в отношении нее и других арестованных оперативные работники УГБ НКВД по НСО применяли незаконные методы следствия с целью принуждения к даче ложных показаний.

⁷⁵ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1094. Л.1.

⁷⁶ Там же. Лл. 1,2.

⁷⁷ Там же. Л. 4 об.-5.

⁷⁸ ГАНО. Ф. П-189. Оп.1. Д.1108. Лл.102-105.

Каковы были эти незаконные методы можно только предполагать. Архивные документы (протокол допроса, справки и заявления, очные ставки и др.), к сожалению, не дают полного ответа на этот вопрос.

После реабилитации расстрелянных в 1938 г. комсомольских работников Запсибкрая бывшие сотрудники Новосибирского УНКВД, участвовавшие в следствии и обвинители в суде, были осуждены за нарушения социалистической законности.

Приведенные документы характеризуют истинную морально-политическую атмосферу в комсомольских организациях Запсибкрая в сложный период эскалации повсеместных репрессий, получивший в социально-политической истории России XX века название Большого террора. Это привело к кадровому разгрому сибирских комсомольских организаций, хаосу в работе комитетов комсомола. Усиление недоверия и подозрительности в работе среди молодежи выступало как серьезный деструктивный фактор во всей текущей молодежной политике.